В самое сердце

Автор:
Татьяна Полякова

В самое сердце

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детективДевушка, Джокер, Поэт и Воин #4

Джокер, Поэт, Воин и Девушка – наша таинственная четверка продолжает выполнять свою главную миссию, не завершенную в прошлой жизни: найти и уничтожить воплощение абсолютного зла – Черного Колдуна. А одновременно мы расследуем цепочку необъяснимых и загадочных исчезновений людей, случившихся в поселке Мальцево. Рядом возвышается заброшенный маяк, в котором по ночам кто-то ходит и зажигает свет. Это зловещее строение притягивает к себе людей с неведомой и непреодолимой силой. И я не смогла противостоять его безмолвному зову…

Татьяна Полякова

В самое сердце

Девушка выглядела взволнованной. Отводила взгляд, потом вдруг вскидывала голову и смотрела на меня с такой надеждой, что становилось не по себе. Объяснялась она долго и путано, и пока я с уверенностью знала о ней лишь одно: ее зовут Виктория Кудрявцева, к нам ей посоветовал обратиться наш бывший клиент. Она позвонила час назад, представилась и попросила о встрече. После исчезновения Максимильяна это был первый клиент, впрочем, не так много времени прошло…

Времени прошло не так много, но наша жизнь изменилась кардинально. По сути, никакой жизни и не было, томительное ожидание неизвестно чего. То есть я-то знала, чего жду: весточки от Максимильяна, потому что лелеяла надежду, что он жив. Каким-то чудом выбрался из дома, который взорвался на наших глазах. Для надежды кое-какие основания были. Странное письмо с указанием на строку в Евангелии: «Он воскрес». Я убеждала себя, что письмо от Бергмана, оттого и предпочитала слово «исчез», хотя мои друзья были убеждены: он погиб. Правда, о письме они не догадывались, потому что отправитель его, кем бы он ни был, на этом настаивал. Я поступила так, как он просил, сама толком не зная, почему это делаю. Убеждала себя, что, если это действительно Бергман, у него есть повод держать в тайне факт своего чудесного спасения. И коли он решил, что знать об этом надлежит только мне, значит, так тому и быть. Хотя очень хотелось сообщить Димке и Вадиму о своих надеждах, и о сомнениях тоже. Мы могли бы по крайней мере все обсудить… Ко всему прочему, выходило, что развитие событий Бергман предвидел (впрочем, это как раз не удивляло) и сделал кое-какие письменные распоряжения. Нашей команде надлежало жить в его доме и продолжать заниматься расследованиями. Я с трудом представляла, как мы будем работать без Максимильяна, но, если честно, звонку Виктории порадовалась. Трехнедельное безделье с неясными перспективами и мрачными мыслями давало о себе знать.

Трубку снял Вадим, точнее, первой на звонок ответила Лионелла, которая после исчезновения Бергмана напоминала привидение: появлялась бесшумно и так же бесшумно исчезала, предпочитая сводить общение с нами к минимуму. Правда, Вадиму иногда удавалось ее разговорить, наверное, по этой причине она и переключила звонок на Воина, а может, считала, что теперь он в команде старший. Хотя бы в силу возраста. Ни Димка, ни я на роль вожака уж точно не претендовали.

В тот момент мы находились в гостиной. Димка по обыкновению уткнулся в компьютер, который держал на коленях, мы с Вадимом в гробовом молчании играли в шахматы. Вот тут Лионелла и изрекла по громкой связи:

– Вадим Аркадьевич, возьмите трубку.

Официальное обращение могло означать только одно: звонит потенциальный клиент.

Мы с немым вопросом переглянулись. Вадим трубку снял, а через минуту положил, буднично сообщив нам:

– Ее зовут Виктория, и она будет у нас через час.

После чего вернулся к шахматам, а Димка вновь уткнулся в компьютер.

Я этот час провела как на иголках, впрочем, и сейчас чувствовала себя ничуть не лучше. С одной стороны, появилась надежда, что работа хоть на время избавит от черных мыслей, а еще от тоски. И от боли. Много от чего. С другой – присутствовала боязнь, что без Бергмана мы не справимся. На себя я точно не рассчитывала, справедливо полагая, что от меня и раньше пользы было немного. Димка – гений во всем, что касается компьютеров, и в сборе информации равных ему нет, но что до всего остального…

«Максимильян», – мысленно позвала я и едва не заревела, так меня разбирало. И предпочла сосредоточиться на девушке, чтобы в самом деле не зареветь.

Виктория к тому моменту, кажется, окончательно запуталась и замолчала. Вадим, у которого с терпением всегда были проблемы, тяжко вздохнул, глядя исподлобья, чем окончательно ее напугал.

– Наверное, я зря пришла, – пролепетала она, – но Павел Сергеевич сказал, вы обязательно поможете.

– Мы поможем, – вновь вздохнул Вадим. – Знать бы чем.

Я укоризненно посмотрела на него и сказала:

– Давайте попробуем еще раз. Вы сирота, родители умерли несколько лет назад, у вас остался только дед…

– Да, – кивнула она. – А теперь и он умер.

– Когда это случилось?

– Месяц назад. То есть месяц назад его похоронили. Он умер семнадцатого числа, – торопливо добавила Виктория.

– Умер в больнице?

– Нет. В своем доме. У него дом в Мальцеве. Это недалеко от города, двадцать километров.

– Вы были рядом с ним? – продолжила я задавать наводящие вопросы.

– Нет. Это произошло неожиданно. Он не собирался умирать. По крайней мере, я точно не ожидала, что это случится… Я имею в виду…

– Мы поняли. Дед умер, его похоронили… И вас что-то беспокоит?

– Да. Очень беспокоит… Я не знаю, что делать… Ради бога, помогите мне! Потому что в полицию идти бесполезно, они даже разговаривать не станут.

Вадим, повернувшись ко мне, свел глаза у переносицы, демонстрируя отчаянье, а я с прискорбием поняла: мы идем по кругу и к вожделенной цели так и не приблизились.

– Мы вам обязательно поможем, – сказала я без особой уверенности.

– Да? – Виктория вроде бы обрадовалась. – Я понимаю, что это непросто… И я вам очень благодарна. Деньги у меня есть. Павел Сергеевич предупреждал, что гонорары у вас…

– Подождите с гонораром, – не выдержал Вадим. – В чем дело-то?

– Я… я хочу знать, почему он умер! – выпалила девушка.

Мы переглянулись. Даже Димка, до той поры дремавший с открытыми глазами, взглянул с недоумением.

– Подождите, – нахмурилась я. – Ваш дед умер, его похоронили, и причина смерти не указана в свидетельстве?

– Указана. Сердце остановилось. Врач объяснил мне, возможно, я не все поняла… Не в этом дело…

– Подозреваете, что вашего деда убили? – подал голос Димка.

Виктория вновь кивнула, а потом покачала головой. Понимать это можно было как угодно.

– Я правильно поняла, сомнений в естественной причине смерти у правоохранительных органов не возникло?

– Не возникло, – покорно кивнула она.

– Но вы с этим не согласны? На нем были синяки или какие-то повреждения, и это заставило вас подумать…

– Синяков не было… и повреждений тоже. Ничего такого, но убить ведь можно по-разному, – едва слышно произнесла она, когда уже и мое терпение подошло к концу.

– Что вы имеете в виду?

– Ну… человека можно так напугать, что сердце не выдержит. Его лицо… у него было такое лицо… – Виктория передернула плечами. – Не знаю, что он увидел, но это вызвало ужас.

Димка вновь заскучал, а Вадим едва слышно вздохнул. Наверняка оба сочли, что дело бесперспективное; собственно, я была с ними согласна, и лишь упрямство заставило меня продолжить:

– Кроме вас, на это кто-то обратил внимание?

– Вы имеете в виду полицейских? Я разговаривала с патологоанатомом. Он мне сказал, что от боли и не так лицо сведет. Лишняя работа никому не нужна.

Похоронили и забыли.

– А кроме выражения лица, что-то еще показалось вам подозрительным?

– Говорят, он умер в первом часу ночи. Был полностью одет, лежал у окна.

– Говорят? – вмешался Вадим.

– Его нашла соседка. Она работала у деда, помогала по дому. Утром, как обычно, пришла в девять часов. Он любил поспать и не хотел, чтобы она мешала, поэтому она и приходила в это время. Он вставал около десяти, она как раз успевала приготовить завтрак. – Виктория вздохнула и продолжила немного спокойнее: – Клавдия Семеновна не сразу его заметила. Прошла в кухню и только потом заглянула в гостиную, хотела расшторить окна. Дед обычно задергивал шторы, если оставался в гостиной… Но в этот раз было по-другому… Она заглянула, увидела, что в гостиной светло, собралась уходить и тут… заметила деда. И когда подошла к нему… Мне она сказала, что от страха сама едва не лишилась чувств… из-за его лица… его выражения… Ей в самом деле стало плохо. Но она успела позвонить в полицию, а еще своей подруге, та живет неподалеку. Подруга прибежала и вызвала «Скорую».

– Я правильно понял, у домработницы не было сомнений, что перед ней труп? – спросил Вадим.

– Такого ужасного лица у живого человека быть не может. Это она так сказала. Она считает, в свою последнюю минуту дед кричал. Рот у него действительно был открыт. Жуткая картина. И это окно… с незадернутыми шторами…

– По-вашему, кто-то так напугал старика, что он отдал богу душу? – нахмурился Волошин.

– Но ведь это… очевидно. Разве нет? – нерешительно спросила Виктория.

Он пожал плечами, точно хотел сказать «для кого как».

– У вашего деда были враги? – спросила я.

– Я… я не знаю. После смерти мамы… В общем, я жила с бабушкой по отцовской линии. И с дедом мы общались мало.

– Почему?

– Так получилось, – подумав, ответила она. – Он отец моей мамы, и, по-моему, они не особенно ладили… В последнее время, я имею в виду. Сначала все было нормально. Мы ездили в Мальцево каждый выходной, летом я жила у деда постоянно. Мне очень нравилось там. Красивые места. У меня были подружки, и бабушка очень меня любила. А потом ее не стало. И… видимо, что-то произошло… Между моими родителями и дедом.

– Наследство? – уточнил Вадим.

– Не знаю. Я не спрашивала. То есть я, конечно, очень хотела в Мальцево, говорила: «Давайте поедем», но мама каждый раз находила причину… В конце концов, я поняла: просить и заговаривать об этом бесполезно… В общем, с дедом мы после смерти родителей виделись редко. Я звонила ему каждую неделю. Я бы непременно поехала в Мальцево, если бы он пригласил… Я уже сказала, что была по-настоящему счастлива там… Но он ни разу не позвал. Даже когда я намекала… В общем, я мало что знаю о его жизни в последние годы и ничего не знаю о возможных врагах.

– Наследство он оставил? – проворчал Вадим.

Этот вопрос и меня очень интересовал.

– Завещания нет… Других наследников тоже нет. Дом отходит мне. А что касается прочего… Какие-то деньги у деда были, сейчас мы выясняем… Я имею в виду адвоката.

– В любом случае земля в Мальцеве стоит немало, даже если домишко совсем плох…

– Дом старый, конечно, он немного обветшал, но… вместе с землей он стоит больших денег, вы правы. Я не хочу его продавать. Может, это звучит глупо, но… я была там счастлива. Разве не стоит дорожить таким местом?

Я решила, что это один из тех вопросов, отвечать на которые необязательно.

– Если вашего деда кто-то довел до могилы – была причина, а она, как правило, проста: то же наследство, к примеру. Но единственный наследник – это вы. Хотя, возможно, вы не все знаете…

– Нет, нет… адвокат заверил меня… Моя мама – единственная дочь… По крайней мере, по документам.

– Допустим, дело не в наследстве, – кивнул Вадим. – Кому пришла охота лишать жизни одинокого старика?

– Я думала… Я надеюсь, вы ответите на этот вопрос, – тихо сказала Виктория.

Повисла тишина. Мы смотрели на девушку, а она разглядывала свои руки.

– Вика, – заговорил Вадим, в голосе раздражение, которое он пытался скрыть. – Вы решили, что ваш дед погиб неслучайно. Но для подобных умозаключений должен быть повод. Выражения лица недостаточно, покойники редко выглядят симпатягами, а учитывая обстоятельства, беспомощность, страх… Если вам есть что добавить, сейчас самое время.

– Я уверена, понимаете? Уверена… Это не просто так, – нервно заговорила она, – потому и решила обратиться к вам. Павел Сергеевич сказал, вы беретесь за самые запутанные дела…

– Мы, конечно, молодцы, – усмехнулся Вадим, – но зря денег не берем. Будучи ребятами с принципами. Деньги, само собой, ваши. Кстати, а откуда они у вас? Рассчитываете на наследство?

Девушка подобного вопроса явно не ожидала и оттого растерялась.

– У меня есть деньги… Я продала бабушкину квартиру. Сама живу в квартире родителей, – наконец ответила она.

Вадим удовлетворенно кивнул. Я настроилась на девушку, считывая ее эмоции. Она была встревожена. Это все, что я могла сказать. И чтобы понять это, было

достаточно одного взгляда на то, как она продолжает стискивать руки и отводить глаза.

В общем, мои способности здесь были ни к чему. Мысленно произнеся слово «способности», я невольно скривилась. Бергман, на мой взгляд, придавал им слишком большое значение, хотя, возможно, просто желал меня приободрить, вот и нахваливал авансом. Читать чужие мысли я не могу, чему скорее стоит радоваться, но эмоции считываю легко. Тайные и явные. Иногда это помогает в расследовании, чаще – нет. А еще я вижу умерших. Едва различимые тени. Слава богу, случается такое нечасто. Из-за этих способностей троица моих друзей, когда у нас появлялся клиент, гордо именовала меня экстрасенсом.

– Вы ведь могли бы спросить… у моего деда? – огорошила меня Виктория. – Как все произошло?

Соколов поднял брови в некотором удивлении, а Вадим скроил физиономию, точно хотел сказать: «Почему бы и нет?»

– Не знаю, что вам сообщил Павел Сергеевич, – усмехнулась я, – но мои возможности он явно переоценил. Разговоры с покойниками – это по части медиумов.

Она испуганно нахохлилась, и вместе с беспокойством в ней отчетливо проступило отчаяние и еще что-то…

– Чего вы на самом деле боитесь? – спросила я в тишине.

Виктория вздрогнула, то ли ее напугал вопрос, то ли мой голос, прозвучавший слишком громко.

– Я… я… – запинаясь, начала она, переведя взгляд с Вадима на Соколова, точно ища у мужчин поддержки. – Там что-то происходит.

– Где? – буркнул Вадим.

– В Мальцеве. Что-то нехорошее. Я хочу знать, что. Послушайте. – Она подалась вперед и торопливо продолжила: – Мне очень нравится этот дом… Там прошли

лучшие годы моей жизни, и я хочу вернуться туда. Жить в нем постоянно. Это было бы не только приятно, но и очень удобно. Моя работа позволяет жить за городом. К тому же это совсем рядом… – Виктория не прекращала свой гимн загородной жизни, и я забеспокоилась, что на мой вопрос она так и не ответит, но тут она сказала: – Я хочу быть уверенной, что с этим местом все в порядке.

– Это в каком смысле? – хмыкнул Вадим.

– Ведь что-то его напугало, – смешалась девушка. – Я хочу знать… И принять решение: оставить дом себе или продать. Вот и все. – Она вновь оглядела нас, словно сомневаясь, что мы ее поняли.

– Что ж, – сказал Вадим, – давайте подведем итог нашей интереснейшей беседы. У вас нет повода не доверять правоохранительным органам, но вы уверены, что ваш дед умер, потому что кто-то этому поспособствовал, или, говоря попросту, старика напугал. И вы хотите знать, кто или что свело родственника в могилу. Задание не из самых легких. Зато в духе Конан Дойла.

Девушка насторожилась, гадая, как отнестись к словам Вадима, а он досадливо вздохнул:

– Спасибо, что обратились к нам. Мы обсудим ваше предложение и дадим ответ, – скороговоркой закончил он.

– Вы отказываетесь, да? – растерянно спросила Виктория. – Поймите, мне больше не к кому обратиться! И я… заплачу, сколько вы скажете. Пожалуйста.

Я испугалась, что она заплачет, но девушка, стиснув зубы, замерла с закрытыми глазами. Потом вдруг вскочила.

– Когда будет ответ? – спросила она, откашлявшись.

– Завтра, – пожал плечами Вадим и пошел провожать ее до двери.

– Девица не в себе, – заметил Димка спустя некоторое время, когда Вадим вернулся, спихнув гостью на попечение Лионеллы.

– Ведет себя немного странно, – кивнула я.

– Да у нее тараканы из ушей лезут, – фыркнул Вадим. – Она что же, решила – возле дедова дома упыри шастают? Или еще какая нечисть?

– А ты Конан Дойла с какой стати приплел? – усмехнулся Димка. – Девушка явно пребывала в недоумении от твоих литературных сравнений.

– У него рассказец есть, там один чувак тоже коньки отбросил, увидев в окне жуткую рожу. Оказалось, это была вполне симпатичная девушка.

– Правда есть такой рассказ? – повернулся ко мне Димка, а Волошин завопил:

– Господи! Куда мир катится? Они уже и Конан Дойла не читают.

– Есть, – кивнула я, отвечая на вопрос Димки. – Кажется, называется «Желтое лицо».

– Надо почитать, – кивнул Соколов.

– Почитай-почитай.

– Чего делать-то будем? – помедлив, спросил Димка.

– Ты ведь это не всерьез спросил? – сказал Вадим. – Или решил бабла срубить на халяву?

– Почему же на халяву?

– Потому что все это чушь, – Волошин посмотрел на нас и вдруг кивнул: – Лучше за привидениями гоняться, чем от безделья дуреть. Что скажешь? – повернулся он ко мне.

Я пожала плечами.

– Согласна. Насчет того, что лучше гоняться.

– Ага, завтра заеду к ментам и для начала узнаю, что там с нашим дедушкой. Хотелось бы убедиться: он на кладбище, а не живет припеваючи, не подозревая о буйных фантазиях внучки.

Димка, успев заглянуть в компьютер, произнес:

– Наша девушка шьет приданое для младенцев: одеяла, фуфайки, конверты… У нее интернет-магазин, – он развернул экран в нашу сторону, чтобы мы могли видеть.

– Симпатичные вещицы, – кивнула я.

– Золотые руки, – хмыкнул Волошин. – С мозгами незадача, но хоть руки не подвели.

– Есть еще что-нибудь? – не обращая внимания на Вадима, задала я вопрос Соколову.

– Сейчас посмотрим.

Пальцы его порхали по клавиатуре, Вадим подошел к бару, достал бутылку виски, продемонстрировал нам с немым вопросом в очах. Не дождавшись реакции, налил виски в стакан и устроился в кресле, выбрав то, что у окна. Я заметила, каждый из нас избегал садиться в кресло Бергмана. Вот и сейчас Волошин прошел мимо, мало того, держался на расстоянии. Я попыталась представить, что бы сказал Максимильян, будь он сейчас здесь. Взялся бы за это дело? «Нет никакого дела, – в досаде решила я. – Как нет и других клиентов. А от безделья мы скоро на луну выть начнем». Собственно, что мне мешает уйти из этого дома, а еще лучше – уехать из этого города? И попытаться начать жить заново? Надежда, что Максимильян жив? Да я и при нем не раз и не два думала о бегстве. Еще недавно он меня жутко раздражал своими тайнами и дикими историями, которыми нас пичкал. Волошину и Димке головы он заморочил основательно. Да и я, если честно, уже не была так уверена, что все это не более чем фантазии. В который раз я попыталась разобраться в своем отношении к Бергману. Не самое подходящее время, надо признать. Он раздражал, очаровывал, чаще бесил, одно несомненно: мой мир без него многое потерял… «Я хочу, чтобы он вернулся», – подумала я и испугалась, что произнесла это

вслух. Но мужчины по-прежнему сидели хмурые и сосредоточенные, и я с облегчением вздохнула.

И вновь подумала о Бергмане. Он решил, что мы должны жить в его доме и заниматься расследованиями. Что ж, постараемся его не разочаровать.

– Ничего интересного, – заговорил Димка, не отрываясь от экрана. – Активно продвигает в социальных сетях свой магазин, и это, собственно, все. Судя по фоткам, личная жизнь на нуле. Подруги и те появляются нечасто, а парней и вовсе нет. А насчет родственника она не шутила: месяц назад в Мальцеве обнаружен труп пожилого мужчины без признаков насильственной смерти. Думаю, это наш старичок.

– Жаль, что не спросили его фамилию, – запоздало посетовала я. – Он дед по матери, значит, фамилии у них с Викторией разные.

– Да мне и в голову не могло прийти, что мы возьмемся за это дело! – фыркнул Волошин.

– А мы возьмемся? – спросила я.

– Лично у меня вполне корыстный интерес. Деньги тают на глазах, а я без них впадаю в депрессию. Клиент готов платить, а я готов исполнять любой его каприз.

– Хорош прибедняться, – отмахнулся Димка. – Если хотите мое мнение… Утро вечера мудренее. Я еще покопаюсь немного, а Воин завтра заглянет к ментам. Тогда и решим.

Воином в нашей команде называли Вадима. У Димки было прозвище Поэт, Бергман, соответственно, Джокер, а я – Девушка. У каждого в колоде имелась своя Карта. Бубновый Валет – Димка, Вадим – Король Крестей, а я – Червонная Дама. Елена Прекрасная, если верить байкам, которыми нас потчевал Максимильян. В прежней жизни мы, ни много ни мало, дали клятву встретиться вновь, чтобы найти и уничтожить заклятого врага. У него тоже было прозвище: Черный Колдун. Как вам такое? Чего ж удивляться, что временами очень хотелось Бергмана придушить? Хотя бы для того, чтобы не слышать этой чепухи. Но Воин с Поэтом в нее верили.

Сначала Бергман разыскал Волошина, потом Димку. Первый находился в психушке, второму грозил тюремный срок. Воин в самом деле воевал, а Димка – хакер, причем из тех, кто может многое, а у государства к таким рано или поздно возникают претензии. В общем, в обоих случаях появление Бергмана было весьма кстати.

Потом пришла моя очередь. Вытаскивать меня из малоприятных мест Максимильяну не пришлось, но чувствовала я себя в тот момент не самым лучшим образом, понятия не имея, как жить дальше. С прежней жизнью я простилась, новая виделась с трудом. В общем, я скорее обрадовалась их появлению, а на глупые россказни старалась не обращать внимания.

А потом возник тот, кого мы поклялись убить. Черный Колдун. Правда, назвался Климом, и поначалу я готова была решить, что он неплохой парень, хотя мозги у него немного набекрень. Он охотно поддержал бредовые идеи Максимильяна, но с одной поправкой: с его точки зрения, Черный Колдун – как раз Бергман и есть. Появление еще одного психа не порадовало, но было в нем что-то… В общем, я понемногу начала съезжать с катушек, уже не зная толком, кому и во что верить. И даже предприняла попытку собрать всех вместе и обсудить нашу проблему, которой и не было вовсе, с моей точки зрения, а было коллективное помешательство.

Кончилось все скверно. Клим исчез, Максимильян остался в доме, который взорвался на наших глазах, и теперь мы мучительно пытаемся собрать нашу жизнь, в один миг разлетевшуюся вдребезги.

«Пусть рассказывает свои байки, пусть делает что угодно, лишь бы остался жив», – подумала я в отчаянии и закусила губу, чтобы не разреветься.

– А не пора ли нам ужинать? – поднимаясь, сказал Вадим. – Пойду потороплю Лионеллу, бабка пренебрегает своими обязанностями.

Он вышел из кабинета, и я услышала, как он кричит за дверью:

– Лионелла Викторовна! Вы, часом, нас голодом уморить не решили?

Его шаги стихли на лестнице. Димка, отодвинув ноутбук в сторону, шагнул ко мне.

– Может, нам стоит уехать?

– Уехать? – не поняла я.

– Ну, да, – пожал он плечами. – Вдвоем. Куда-нибудь на Карибы.

– С чего вдруг?

– Я же вижу, что с тобой происходит. Ты не можешь смириться с его смертью.

– А ты можешь? – спросила я. Против моей воли получилось враждебно.

– Пытаюсь, – ответил Димка. – Получается так себе. Чем скорее мы поймем…

Он замолчал, махнув рукой.

– Карибы вряд ли помогут, – сказала я.

– Действительно, все проще, и дело вовсе не в Карибах, а во мне. Ты не хочешь ехать со мной. Я прав?

– Нет. Не прав. Я готова отправиться с тобой на край света. Ты мой друг. Человек, которого я очень уважаю. И перед которым чувствую вину.

– Потому что не любишь меня?

– Потому что Джокер прав: это был неверный выбор.

– Вот как? А я-то сдуру решил, теперь мы могли бы… По крайней мере, могли бы попытаться…

Он смотрел исподлобья, я чувствовала его обиду, а еще злость и ответила как можно мягче:

– Не стоит повторять ошибки.

– Очень мило, – хмыкнул он. – Чувствовать себя чьей-то ошибкой…

На счастье, в кабинет вернулся Вадим, посмотрел на нас и сказал со смешком:

– Выясняете отношения? Я бы на вашем месте поторопился в столовую. Старушенция сильно гневается, когда мы опаздываем. А злить ее я бы воздержался. Иначе кто ж нас кормить будет?

Я поспешно покинула комнату, с удовлетворением отметив, что Димка идет следом. Еще недавно мы были любовниками. Правда, быстро поняли, что сваляли дурака. Причем поняли оба. Так что странно, какого лешего он ведет себя точно брошенный Ромео.

Бронзовая люстра с плафонами из хрусталя освещала столовую, большую комнату с антикварной мебелью и картинами в тяжелых рамах. Еще одна загадка Бергмана – источник его благосостояния. У нас заоблачные гонорары, но их явно недостаточно, чтобы жить с таким размахом. Особняк в центре города прозвали Домом с чертями из-за горгулий на крыше, его Максимильян приобрел несколько лет назад. На первом этаже – букинистический магазин с очень редкими книгами и разными диковинами, вроде астролябий и макетов парусников, которым лет по сто. Книги были страстью Бергмана, особенно те, где речь шла о карточных колодах. Мне кажется, Максимильян знал о них все. По завещанию особняк теперь принадлежит мне, и это здорово тяготит. Магазин, стараниями Василия Кузьмича, его единственного сотрудника, продолжал работать, словно ничего не произошло, но я-то знала: вряд ли это продлится особенно долго. В конце концов придется что-то решать и с домом, и со всем наследством Бергмана. При одной мысли об этом мне становилось так тошно, что хотелось бежать куда глаза глядят.

Мы устроились за столом, каждый на своем месте. Кресло Бергмана и здесь оставалось нетронутым, и возникало чувство, что он незримо присутствует рядом. Может, так и было. С Бергманом ничего нельзя знать наверняка.

Лионелла бесшумно двигалась вдоль стола, разнося тарелки. Сама она за стол вместе с нами никогда не садилась, Бергмана называла хозяином и, кажется,

работала у него очень долго, но и тут наверняка не скажешь. Жизнь Максимильяна для меня тайна за семью печатями, знаю я о ней немного, точнее, вовсе ничего не знаю. И с уверенностью могу поведать лишь о нескольких месяцах, которые прошли с момента нашего знакомства.

На вид Лионелле за семьдесят, но она довольно крепкая, в чем я не раз могла убедиться, и характером ее Господь не обидел. Исчезновение Бергмана стало для нее тяжелым ударом, но внешне она выглядела так же – холодно и отстраненно, как обычно. Из нас троих симпатию у нее вызывал разве что Воин, к Димке она скорее была равнодушна, а меня недолюбливала. По крайней мере, не упускала случая указать на мои недостатки.

Димка притащил в столовую ноутбук, впрочем, он с ним никогда не расставался, Лионелла, взглянув на него, сказала сурово:

– Уберите.

Димка вздохнул, но ноутбук убрал. Лионелла торжественно удалилась, а мы приступили к трапезе.

– Ум отъешь, – сообщил Вадим, отправляя в рот очередную порцию жаркого. – Из-за такой стряпни я готов терпеть эту старую ведьму… Милейшую женщину, я хотел сказать.

Димка был к еде абсолютно равнодушен, кажется, не всегда замечал, что, собственно, ест. Разговор за столом не клеился.

Я продолжала жевать, наблюдая за мужчинами, с мыслью о том, что неуклонно скатываюсь в депрессию. Вновь появилась Лионелла, собрала посуду. Мы еще некоторое время сидели за столом, а потом разбрелись по своим комнатам.

Я взяла планшет и устроилась на подоконнике, но планшет не открыла, смотрела в окно. Начало темнеть, а я так и не сдвинулась с места, хотя бы для того, чтобы включить свет.

Раздался короткий стук в дверь, после чего она распахнулась, и в комнату вошел Вадим.

– Чего без света сидишь? – ворчливо спросил он, приблизился и встал рядом.

Он смотрел на стену напротив, точно избегая моего взгляда. Ответа на свой вопрос, видимо, не ждал, и я решила себя не утруждать.

– Как думаешь, мы привыкнем? – спросил он.

– Все привыкают, – ответила я, хотя вовсе не была в этом уверена.

– А если…

– Что? – не дождавшись продолжения, сказала я.

– Вдруг он жив? Понимаю, звучит глупо. Но когда речь идет о Джокере… Этот парень на многое способен.

– Он человек. А люди смертны.

– Согласись, он необычный человек, то есть совсем-совсем необычный.

– Ага. Мастер пудрить мозги, – проворчала я.

– Значит, у тебя никаких сомнений? – с обидой спросил Вадим.

– В его человеческой природе?

– В том, что он погиб?

Теперь мы смотрели друг другу в глаза, и в его взгляде была сумасшедшая надежда. Меня так и подмывало рассказать о письме. Оно совсем не значило, что Бергман каким-то фантастическим образом спасся, но надежду, безусловно, давало. Я представила, как расскажу ему, и мы вместе все обсудим, поддерживая в себе веру в то, что Бергман вернется, и будем ждать. Ожидание может быть томительным, но это все же лучше беспросветного отчаяния. Не знаю, что меня остановило в этот раз.

– Кто у нас Воин? – вздохнула я. – Вот и скажи: каковы его шансы?

Вадим ничего не ответил, вместо этого пожал плечами и направился к двери.

– Как-нибудь справимся, – буркнул он, шагнув за порог.

А я кивнула, пробормотав себе под нос:

– Как-нибудь.

Завтракали мы вдвоем с Димкой. Лионелла сообщила, что Вадим умчался из дома часов в восемь. Устроились мы в кухне, против чего Лионелла не возражала, и это было единственным послаблением с ее стороны. Я как-то предложила и вовсе сюда перебраться и удостоилась такого взгляда, что тут же язык прикусила. Бергмана нет, но в его доме все должно оставаться неизменным. В том числе торжественные приемы пищи под бронзовой люстрой.

– Воин теперь у тебя ночует? – осведомился Димка, когда Лионелла ненадолго покинула кухню.

– Он пробыл у меня минут десять, – ответила я как можно спокойнее.

– Да? Зашел пожелать спокойной ночи?

– Зашел спросить, нет ли у меня напрасных надежд.

– Что ты имеешь в виду?

– Смерть Джокера, разумеется.

– Постой, – нахмурился Димка. – Вадим считает, у него был шанс спастись?

– Этого он не сказал, но наверняка хотел услышать нечто подобное от меня. По-моему, он не может смириться, как, впрочем, и я…

– Я всегда думал, Воин из нас самый… здравомыслящий? – не найдя подходящего слова, Димка закончил фразу с вопросительной интонацией.

– Оказалось, это не так, – пожала плечами я. – Если хочешь мое мнение… я не верю, что он погиб. Не хочу верить и не верю. Кто знает, что у него на уме? Может, хотел посмотреть, как мы справимся?

– По-твоему, это просто нежелание принять очевидное?

– Думаю, нам стоит заняться работой.

Вадим вернулся часа через полтора. Мы в это время сидели в гостиной, Димка – уткнувшись в ноутбук, я пялилась в окно. Услышав шаги, мы дружно повернулись. Вадим вошел, как всегда деятельный, что-то насвистывая.

– Привет! – сказал он и повалился в кресло. – Ну что… Наша девушка хоть и сгустила краски, но в целом придерживалась фактов. Ее дед, Зиновьев Альберт Юрьевич, скончался месяц назад в возрасте семидесяти восьми лет в своем доме, находящемся в поселке Мальцево. Обнаружила его соседка, она же домработница, Никифорова Клавдия Семеновна. Выражение лица дед имел неприятное, но насчет запредельного ужаса – явное преувеличение. Соседка сразу поняла, что он мертв, но «Скорую» вызвала. И, разумеется, полицию. Нет никаких причин подозревать убийство. Дядя в возрасте, сердчишко пошаливало и в ту ночь не выдержало. Скончался он сам, без физической помощи возможных недругов. Патологоанатом – мой знакомый – клянется, что причина смерти именно та, что значится в бумагах, в чем нет никаких сомнений.

– Но напугать его кто-то мог?

– Само собой. Но сделать это так, чтоб дядя богу душу отдал, – все-таки искусство. Интересно было бы знать, что он увидел в окне, – буркнул Вадим.

А я сказала:

– Ну так давайте узнаем.

– Я тут тоже кое-что нарыл, – поднял голову Димка. – Виктория сказала, что ее родители умерли. Это не совсем так. Отца шесть лет назад обнаружили с петлей на шее. До конца так и не выяснилось, то ли он сам повесился, то ли помог кто. Мужик – игрок и, по слухам, задолжал серьезным людям.

– С покойника долг не получишь, – заметила я.

– Точно. Но если взять с него нечего, то акт устрашения был бы совсем нелишним. Через месяц после этого исчезла мать Виктории.

– Что значит «исчезла»?

– Никакой конкретики. Достоверно известно, что последним ее видел отец, то есть наш Альберт Юрьевич. Она навещала его в Мальцеве, отправилась домой, и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Викторию взяла к себе бабка по отцу. Я составил краткую справку, можете ознакомиться. Отправил вам на почту. О самой Виктории Кудрявцевой сведения минимальные. Родилась здесь, окончила школу номер шестьдесят три, а также художественную школу. Поступила в колледж, но проучилась только два года. Индивидуальный предприниматель. Налоги платит исправно. Вот, собственно, и все.

– Батя в петлю полез, мать пропала, и тут еще дедуля преставился. Неудивительно, что девке упыри за окном мерещатся, или кто там старичка напугал. Лично мне это обилие покойников подозрительно. Может, менты чего-то недосмотрели, а у девки с головой как раз порядок.

– Я правильно поняла – мы беремся за это дело? – спросила я.

Димка как будто не услышал вопроса, а Вадим пожал плечами:

– Ну, если она наскребет бабла на наш обычный гонорар, я за.

– Тогда звони ей.

На этот раз Виктория выглядела немного увереннее. Сумма, которую назвал Вадим, ее не удивила, казалось, деньги ее вообще не интересуют. Она устроилась в том же кресле, что и накануне, и сложила на коленях руки, точно

примерная ученица.

– Расскажите нам о своем деде, – попросила я. – Все, что знаете. Я помню, что в последнее время вы общались мало, но… Не было ли в его поведении чего-то необычного?

– Дед – бывший партийный начальник, я совсем немного об этом знаю, в основном от мамы. Он очень любил командовать, а еще вечно всем был недоволен. Ругал власть, считал всех бездельниками, голосовал за коммунистов. Но их тоже ругал. Бабушка была добрая, а деда я всегда боялась. Он на маму кричал, и на меня, и на бабушку. Вряд ли кто-то в Мальцеве его любил. Я имею в виду, наверняка были люди, которые его терпеть не могли. Но ни о каких врагах я не слышала. Создавалось впечатление, всех людей дед одинаково терпеть не может.

Мы говорили больше часа, но ничего полезного не узнали. Дело представлялось мне совершенно бесперспективным, если бы не наблюдение Вадима – повышенная смертность в семье и впрямь настораживала.

Димка старательно зафиксировал слова Виктории. Затем мы подписали необходимые бумаги и вскоре простились.

Она ушла, а Вадим сказал весело:

– Что ж, добро пожаловать в мир сельских будней, с его интригами и кровавыми тайнами! Мы с девушкой отправляемся в Мальцево, а ты остаешься на хозяйстве.

Димка нахмурился, однако согласно кивнул.

– Собирай вещи, – продолжил Вадим, обращаясь ко мне. – Легенда все та же. Мы счастливые новобрачные на отдыхе. Я заглянул в Интернет, в поселке есть гостиница. Думаю, для начала нам лучше остановиться там, а не в доме старика. Оглядимся, поболтаем с местными, авось и забрезжит свет в конце тоннеля.

Я отправилась к себе и побросала в чемодан самое необходимое. Добавила пару платьев, сарафан и шляпу. Если уж мы отдыхающие, то должны выглядеть

соответственно.

Выйдя из комнаты, я обнаружила в коридоре Вадима, свой чемодан он тоже успел собрать, подхватил оба и пошел к лестнице.

Дорога делала плавный поворот, деревья расступились, и мы увидели озеро, на левом берегу которого раскинулся поселок. Аккуратные домики жались поближе к воде, неровными рядами поднимались по склону и прятались в листве подошедшего вплотную леса. На вершине холма – церковь, золотая луковка блестела на солнце, но выглядела странно. Я не сразу поняла, в чем дело, а поняв, удивилась: на куполе отсутствовал крест.

– Ты заметил? – обратилась я к Вадиму, который сидел за рулем.

– Креста нет? Заметил. Думаешь, нечистая сила активизировалась? – хмыкнул он. – Забавно, что последнее время мы шастаем по окрестностям в поисках всякой нечисти. Похоже, такие уютные местечки ее притягивают.

Я усмехнулась в ответ. Хотя Вадим прав, в последнее время к нам обращались именно с подобными делами, однако на поверку выходило – никакой мистики, один голимый расчет, как выражается Воин. Я была уверена, что и в этот раз всему найдется вполне логичное объяснение, а может, все еще проще: никакого дела вообще не получится, все обернется лишь фантазиями Виктории да странным стечением обстоятельств. Но отсутствие креста все же оставило неприятный осадок.

– Посмотри адрес гостиницы, – сказал Вадим. – Поселок довольно большой.

Я заглянула в навигатор, нам следовало взять правее, о чем я и сообщила Вадиму. Очень скоро мы увидели указатель, а потом и саму гостиницу – она находилась на берегу озера, в этом месте начиналась пешеходная набережная, и проехать дальше вдоль берега было невозможно.

Гостиницей оказался двухэтажный бревенчатый дом с широкой верандой по фасаду. Дверь была распахнута настежь. Припарковавшись, мы вошли в просторный холл. На стенах – фотографии в рамках с видами озера. Холл

оказался пуст, Вадим облокотился на деревянную стойку и, заметив колокольчик, позвонил.

– Иду-иду, – услышали мы женский голос.

Дверь, что была справа, открылась, и появилась женщина лет сорока, симпатичная, улыбчивая, со светлыми глазами и копной рыжих волос, которые она заплела в косу.

Вадим тут же расплылся в улыбке и пропел:

– Привет.

Надо сказать, он из тех мужчин, на которых женщины обращают внимание. И рост, и стать, и озорство в глазах, против которого трудно устоять.

Женщина весело хихикнула, но тут заметила меня и слегка покраснела, то ли почувствовав неловкость, то ли досаду из-за моего присутствия.

– Здравствуйте, – сказала она громко. – Хотите у нас остановиться?

– Очень хотим.

– Номер заказывали?

– Час назад. Фамилия Волошин.

Женщина устроилась за компьютером и через минуту уточнила:

– Вадим Аркадьевич?

– Точно.

– Двухместный люкс… Окна во двор. Не любите шум? Документы, пожалуйста.

– Водительское удостоверение подойдет?

– Подойдет.

Женщина стала оформлять номер. Вадим продолжал весело болтать, а она охотно отвечала.

– Народу у вас много?

– В гостинице? Нет. Два дня назад гроза бушевала, молния в купол церкви ударила, крест на землю упал. Сторожилы говорят, такой грозы не припомнят. Я боялась, у нас крышу снесет. С двух домов на горе сорвало. В общем, природная аномалия отдыхающих распугала, теперь до выходных наплыва ждать не приходится.

– У вас тут, наверное, в основном рыбаки?

– Рыбаки чаще останавливаются дальше по дороге. Надо в гору подняться, потом спуститься, и прямо на берегу будет «Приют рыбака». Но у них сейчас тоже негусто. Вот на турбазах народ есть, но это километров десять отсюда, у нас обычно в выходные наплыв клиентов. Места здесь красивые, – женщина протянула карточку с ключами. – Завтрак с восьми до десяти. Пожалуйста, не опаздывайте. Вы можете сами готовить, в вашем номере есть кухня, на набережной ресторан, а если пройти на соседнюю улицу, там кафе. Ну и на выезде еще ресторан. Магазин в переулке прямо за нами. В общем, с голоду не умрете.

– Спасибо, – дружно сказали мы.

Вадим взял чемоданы, и мы прошли в номер. Он оказался довольно скромным для люкса, но в общем выглядел мило. Небольшая спальня с кроватью, застеленной лоскутным покрывалом, и кухня-гостиная. У ближайшей стены – кухонный гарнитур, совсем маленький, но с раковиной, электроплитой и микроволновкой. Велюровый диван, кресло и телевизор на низкой тумбочке.

– Чаю хочешь? – спросила я, обнаружив рядом с электрочайником пакетики с чаем и кофе, шоколадку, пачку печенья и сахар.

– Давай…

– Какие у нас планы? – спросила я, разливая чай. – Отправимся на прогулку?

– Обязательно. Часика через полтора.

– Почему не сразу?

– Детка, мы с тобой влюбленные, нам в объятиях положено сливаться, а не на прогулку бежать. Вздремнем, потом заглянем в ресторан, а уж потом прогуляемся.

– Скажи лучше, что двигаться лень.

– Обижаешь. В нашей работе мелочами не пренебрегают, так что будем следовать легенде.

– Можно подумать, мы шпионы, – фыркнула я.

– В каком-то смысле да.

Вадим повалился на кровать и похлопал рукой по матрасу рядом с собой:

– Устраивайся.

– Я на диване.

– Да ладно, мы, считай, почти родня.

Я легла рядом, сказав сурово:

– Но спать ты будешь на диване.

– Как прикажешь, моя госпожа. Можно замечание не по делу, зато на тему, которая меня очень волнует?

– Валяй.

– Димка смотрит волком. Он снова метит в герои-любовники?

– Он нервничает, как и мы с тобой. И не знает, что делать дальше.

– Ага. В отряде без командира – разброд и шатание. Боюсь, наше трио долго не протянет.

– Почему? – нахмурилась я.

– Поэт считает, я рвусь на его место. Кстати, правильно считает. Джокер держал нас в узде, а теперь мы начнем тебя делить, и наша крепкая мужская дружба затрещит по швам.

– Ты рвешься занять его место? – удивилась я. – С чего вдруг?

– Не вдруг, милая. Я давно к тебе приглядываюсь и все больше убеждаюсь: ты девушка моей мечты, – он вроде бы смеялся, но мне его слова все равно не нравились.

– Спасибо, что предупредил. Чтобы не вносить разлад в вашу компанию, я, пожалуй, пошлю обоих… И сбегу.

– А наследство? Особняк, и к нему Кузьмич и Лионелла в придачу?

– А я все тебе подарю.

– Вот уж спасибо! Шутки шутками, но Димка мне не нравится. Обидно это сознавать, но без Джокера мы точно слепцы без поводыря. Как бы в самом деле не оказаться в исходной точке.

– Что ты называешь исходной точкой?

– Психушку, милая. Там без меня, поди, скучают.

– Может, лучше заняться расследованием, а не нагонять тоску?

Вадим перекатился на бок, приподнялся на локте и теперь нависал надо мной, заглядывая в глаза.

– На всякий случай: я с тобой в огонь и в воду, причем в любом качестве. Согласен еще в друзьях походить сколько надо. Но особо не затягивай.

Я испугалась, что он меня поцелует, однако Воин, засмеявшись, спрыгнул с кровати и отправился в ванную.

– Приму душ.

К моему облегчению, он скрылся за дверью, а я вздохнула. И даже принялась кусать губы, так меня разбирало. Картина нашего будущего, нарисованная Вадимом, выглядела вполне вероятной. Сколько мы подержимся без Максимильяна?

– Хватит упиваться страданием, – пробормотала я и, прихватив планшет, устроилась в кресле, решив еще раз перечитать справку, подготовленную Димкой.

За этим меня и застал Волошин. В гостиной он появился в шортах и футболке веселой расцветки, на ходу приглаживая мокрые волосы. И я подумала, что в других обстоятельствах с удовольствием заключила бы его в объятия. «Ага, – мысленно скривилась я. – Один раз ты уже дурака сваляла».

Вадим подошел, заглянул в планшет и удовлетворенно кивнул.

– Пока тебе есть чем себя занять, спущусь вниз, поболтаю с рыжей. Мне кажется, ей нравятся мужественные парни вроде меня, с чувством юмора и немыслимой харизмой.

– Добавь еще – красивые и умные.

– Ну, это само собой. Мой ум сомнений не вызывает, а красота такая, что я от зеркала оторваться не мог, боялся так в ванной и состариться. Значит, так, ты якобы отдыхаешь, а я маюсь от безделья, оттого и не прочь поболтать. Минут через сорок спускайся, отправимся на разведку.

Он чмокнул меня в нос и ушел, я проводила его взглядом, вздохнула и вновь уткнулась в планшет.

Я читала, время от времени поглядывая на часы, через сорок минут переоделась в сарафан и сандалии, сунула в карман мобильник и покинула номер.

Еще в коридоре я услышала смех рыжей. Хохотала она так заразительно, что приходилось лишь гадать, чем ее так развеселил Вадим. Его голос я тоже слышала, но слов не разобрала.

Устроились они на веранде, сидели за столиком и пили пиво. Рыжая как раз стягивала в хвост непослушные волосы, подняв руки и демонстративно выпятив грудь, на которую Воин нахально таращился и только что не облизывался. Я малость притормозила, заподозрив, что явилась не вовремя, рыжая, занятая разговором, вряд ли обратила на меня внимание. Я уже шагнула назад, когда увидела, как по ступенькам поднимается парнишка лет четырнадцати, худой и нескладный, с рыжими, торчащими во все стороны волосами. Он и лицом был похож на мать – курносый нос с россыпью веснушек и светлые глаза, – так что в их близком родстве сомнений не возникло. Увлеченная разговором женщина поначалу внимания на него не обратила. Парень, заметив Вадима, остановился, лицо его приобрело недовольное выражение, он так и замер на второй ступеньке, откуда ревниво наблюдал за ними.

Вадим его, конечно, заметил, но продолжал делать вид, что увлечен разговором с рыжей, а вот она, должно быть, почувствовала взгляд и резко повернулась.

– Венечка, – окликнула она, – обедать будешь?

– Нет, – ответил он сердито, потом поднялся по ступенькам и бросился к двери, где едва не налетел на меня.

– Эй, полегче! – сказала я, парень посмотрел испуганно, похоже, до этого момента он меня просто не видел.

Буркнул: «Извините», – и скрылся в коридоре.

– Носится как сумасшедший, – весело сказала рыжая, когда я подошла к столу. – Как отдохнули?

– Прекрасно. Это ваш сын?

– Да. Летом он становится настоящим дикарем, я его целыми днями не вижу. Где-то носится с мальчишками.

– В таких местах, как это, грех дома сидеть. Здесь просто рай для детей.

– Да, у нас здесь спокойно. Детишки лет с шести бегают без присмотра. Главное, чтобы купаться одни не ходили. Но мой Венька отлично плавает, прошлым летом даже спас одну подвыпившую девицу, которая сдуру среди ночи в воду полезла. Запросто могла утонуть. Венька с друзьями жгли костер на берегу и девицу заметили, она в темноте не могла понять, где берег, и начала кричать. Сын ее вытащил. Получили благодарность от МЧС.

– Настоящий мужик, – кивнул Вадим.

– Да, сынуля у меня молодец, – она поднялась из-за стола, уступая мне место. – Хотите пива? Я принесу.

– Нет, спасибо. Мы идем в ресторан или у тебя другие планы? – обратилась я к Вадиму.

– Идем, дорогая. Софья говорит, там отличную рыбу подают. А я сейчас готов сожрать что угодно, – он весело подмигнул рыжей и, взяв меня за руку, повел к выходу.

Мы направились вдоль озера к пешеходной набережной, где располагался ресторан.

– Итак, ее зовут Софья, – сказала я. – Что еще?

– Живет здесь четыре года. Приехала с сыном отдохнуть и познакомилась с мужчиной, владельцем этой гостиницы.

– И они полюбили друг друга?

– Этого она не сказала. По ее версии, ей полюбились здешние места. А еще хотелось, чтобы сын рос в красивом и безопасном месте. В общем, они с хозяином гостиницы стали компаньонами. Два года назад хозяин внезапно умер, и гостиница отошла ей. Они живут с сыном в пристройке, там небольшая квартирка.

– Венька мать ревнует, – сказала я. – На тебя смотрел с неприязнью.

– У сыновей такое бывает. Вполне возможно, что у рыжей кое с кем из постояльцев складываются особые отношения. В таком поселке этого не утаишь. Люди болтают, пацан об этом знает и злится.

– О Зиновьеве расспрашивал?

– В разговоре его кончина не всплыла, а задавать вопросы я поостерегся. Для начала оглядимся. Мне пока все нравится. А тебе?

– Трудно сказать.

– Эй, расслабься. Попробуй сочетать приятное с полезным, – усмехнулся Вадим.

Мы как раз подошли к ресторану, новому зданию в классическом стиле, с колоннами и открытой верандой, где и устроились. Не скажешь, что здесь наблюдался аншлаг, но несколько столов были заняты парочками разного возраста. Самым молодым было лет по двадцать. Оба в спортивных штанах и футболках. У ног парня стоял рюкзак. Должно быть, путешествуют пешком или на велосипедах. Странно, что эти двое решили пообедать здесь, обычно молодежь выбирает более демократичные заведения, где подешевле. Но молодые люди явно не экономили и аппетитом обладали отменным.

Сидели они совсем рядом, и, когда к их столику подошла официантка, я услышала, как девушка задала вопрос:

– Далеко отсюда до маяка?

– Нет. Дойдете до конца набережной и его увидите. Только вам придется сделать крюк, чтобы к нему подойти. С этой стороны место болотистое, и там лучше не ходить. У администратора можно взять схему, на ней указано, как к нему удобней подобраться.

– Здесь есть маяк? – вмешалась в чужой разговор я.

– Да, – кивнула официантка. – Наша достопримечательность. Он давно заброшен, но туристы его любят.

Девушка ушла, а я в недоумении обратилась к Вадиму:

– Зачем здесь маяк? Неужто по озеру когда-нибудь корабли ходили?

– Я не в курсе здешней истории, но корабли – вряд ли. Если только совсем маленькие, может, и маяк им под стать. Прогуляемся к нему, если хочешь.

Кухня ресторана произвела наилучшее впечатление, Вадим остался доволен. Я же все больше наблюдала за соседями. Парень с девушкой вскоре ушли, за ними и прочие потянулись. В ресторане остались только мы.

– Предлагаю взглянуть на дом Зиновьева, – сказал Воин. – А потом прогуляемся к маяку.

Дом Викиного деда мы искали довольно долго, пришлось подниматься на гору, пройти по дороге вправо от церкви и еще немного подняться. С этой стороны дом был скрыт деревьями, настоящим сосновым лесом, и если бы мы не уперлись в забор, скорее всего, прошли бы мимо.

Забор оказался крепкий, кованый, на кирпичных столбах. Двигаясь вдоль него, мы наконец-то увидели дом, довольно большой, с итальянскими окнами на фасаде и выступающей лестницей по центру, над которой располагался балкон с резными балясинами. Дом был оштукатурен и покрашен в желтый цвет, балясины, лестница и наличники – белые. Сейчас окна закрывали уличные жалюзи, и оттого, наверное, здание казалось мрачным, точнее, забытым хозяевами за ненадобностью. На воротах – цепь с замком, калитка заперта. Видеокамер незаметно.

– Неплохой домик, – констатировал Вадим. – Нашей девушке повезло.

– Я бы здесь одна жить не стала, – приглядываясь к зданию, сказала я.

– И что с ним не так? – насторожился Вадим.

– Не знаю, – помедлив, ответила я, продолжая приглядываться к дому. – Но место мне точно не нравится.

– Неужели правда нечистый в домике обосновался? – скроив испуганную физиономию, ахнул он, а я показала средний палец, решив не вступать в дискуссию, и отправилась дальше.

К дому вела еще одна дорога, спуск здесь был крутой, зато, пройдя всего метров четыреста, можно было оказаться на соседней улице.

– До цивилизации не так далеко, – заметил Вадим. – Давай посмотрим, что там с другой стороны.

Мы пошли вдоль забора и вскоре оказались на вершине холма, поросшего редким кустарником.

– А вот и маяк, – кивнул Вадим.

Я проследила за его взглядом. Внизу на песчаной косе возвышался маяк. Оказалось, он стоит на реке, что протекает неподалеку, и от озера его отделяет подозрительного вида пустырь, должно быть, то самое болото, о котором говорила официантка.

– Тропинка вроде есть, – приглядываясь, сообщил Вадим.

– Все-таки странно, зачем здесь маяк? – проворчала я. – На реке он так же неуместен, как и на озере.

– А по-моему, выглядит симпатично.

– Возможно. Но ведь его не для красоты поставили.

Волошин пожал плечами и начал спуск, я трусила следом. Поначалу дорога была довольно широкой, идти было даже приятно: местность живописная, с реки дул ветерок. Но как только мы оказались в низине, под ногами захлюпало. Однако тропа выглядела вполне надежной, и мы продолжили путь.

Расстояние до маяка – меньше километра, и преодолели мы его довольно быстро, правда, ноги все-таки промочили. На подходе нас ждал сюрприз: ограждение из сетки-рабицы с табличкой «Вход запрещен», но замок с калитки кто-то сорвал, а потом прицепил на место.

– Зайдем? – взглянув с сомнением, спросил Вадим.

Я пожала плечами, толком не зная, хочу ли этого. Он снял замок и распахнул калитку. Если поначалу маяк никаких чувств, кроме недоумения, не вызывал, то сейчас я вдруг почувствовала беспокойство, которое все нарастало.

Задрав голову, я разглядывала маяк, пытаясь обнаружить причину перемен в своем настроении. Официантка сказала, что он давно заброшен, судя по всему, не один десяток лет. Когда-то белый, сейчас он был с потеками черного и ржавого цвета, в нескольких местах штукатурка вообще обвалилась явив свету кирпичную кладку. Однако стекла наверху оказались целы, что скорее странно. Болото заканчивалось метрах в десяти от забора, здесь был песок, сквозь который пробивалась трава. В общем, ничего особенного. Но беспокойство не проходило.

Мы подошли к дощатой двери с навесным замком, он тоже оказался сорван, но дверь не открылась, хотя Воин сначала потянул ее на себя, а потом с некоторым раздражением толкнул.

– Такое впечатление, что она заперта изнутри, – проворчал он.

– А может, просто заколочена?

– Может. Хотя гвоздей я не вижу.

– Если ее заперли изнутри, то как вышли?

– Вот и я про то.

Мы обогнули маяк по кругу – других дверей не обнаружили. Окна имелись, но довольно высоко и были заколочены деревянными досками.

– Дверь я запросто выбью, – сказал Воин.

– Зачем? – удивилась я. – Скорее всего, ее действительно заколотили, чтобы кто-то из туристов случайно не свалился с маяка.

– Да уж, ребятня наверняка бы облюбовала это место. Все-таки странно, что доски не оторвали.

– Пойдем отсюда, – попросила я, к тому моменту беспокойство приобрело характер вялотекущей паники. Однако стоило мне выйти за калитку, как я вздохнула с облегчением.

К поселку мы решили возвращаться другим путем – вдоль озера. Теперь тропинка была не в пример лучше, кое-где и здесь вода подступала, но не так, чтобы нырнуть по щиколотку. На песке я заметила след протектора, значит, здесь можно и на мотоцикле проехать.

Мы добрались до ближайших кустов. В этом месте пустошь кончалась и начинался перелесок, а тропа теперь больше напоминала дорогу. Я оглянулась, чтобы еще раз увидеть маяк, ранее делать этого почему-то не хотелось. С этой точки он выглядел скорее зловеще. Как декорация к фильму ужасов: облезлый, с заколоченными окнами. Точно призрак, осколок исчезнувшего мира.

Я невольно поежилась, и тут же возникло чувство, что сзади кто-то есть. По спине пробежал холодок, дыхание сбилось. Очень медленно я начала поворачиваться, шепча едва слышно:

– Не бойся…

Она стояла в двух шагах от меня. Еле видимая тень, сгусток тумана. Голова опущена, лицо закрывают спутанные волосы. Женщина вдруг резко вскинула голову, и на мгновение я увидела ее лицо, точно давно выцветшую фотографию, где черты едва-едва проступают… Секунда – и она исчезла в кустах, но перед этим оглянулась, точно предлагая следовать за ней.

– Эй, в чем дело? – услышала я голос Вадима.

Он стоял впереди, с изумлением глядя на меня. Я поспешно приблизилась.

– Выглядишь так, точно привидение увидела, – сказал он.

– Так и есть, – кивнула я.

– В каком смысле? О, черт… Что ты видела?

– Женщину, кажется, молодую. Волосы до плеч, узкое лицо…

– И давно она в покойниках?

– Несколько лет. Пять-шесть, не меньше.

Другой бы решил, что я брежу, но Вадим в моих способностях не сомневался. В отличие от меня. Когда подобное случается, я терзаюсь вопросом: вижу ли я в действительности тени умерших, или это игра воображения? Несколько раз эти видения помогли раскрыть преступления, но сомнения меня не оставляли. Напротив, присутствие в моей жизни чего-то непонятного, если угодно, потустороннего, очень беспокоило. С каждым годом это беспокойство лишь росло. Нормальные люди не видят призраков и уж тем более не пытаются разгадать, что те хотят сказать.

– И что это значит? – спросил Вадим, все еще стоя на месте и хмуро меня разглядывая. – Эту бабу где-то здесь зарыли?

– Необязательно. Но с этим местом ее что-то связывает. Возможно, здесь, на дороге, она погибла. Произошел несчастный случай, и ее, к примеру, сбила машина.

– Я готов согласиться с чем угодно, но, если рассуждать здраво, это маловероятно. Только чокнутый способен здесь двигаться на скорости. Нормальный человек будет едва плестись, следовательно, сто раз успеет затормозить.

– А если он был пьян и в темноте женщину просто не заметил?

– Ну… – Вадим пожал плечами. – Поинтересуемся у хозяйки, не было ли смертоубийства на дороге?

– Хозяйка здесь не так давно и может не знать.

– Что ж, зададим этот вопрос какому-нибудь старожилу. Ты как? – приглядываясь ко мне, спросил Вадим.

– Нормально. Идем.

Он пропустил меня вперед и теперь шел сзади.

– Не хотел бы я быть на твоем месте, – сказал он через некоторое время. – Мне, бывает, видятся кровавые мальчики, но во сне. Это как-то успокаивает. Не знаю, что бы я делал, явись они вот так, средь бела дня.

– Тебе видятся кровавые мальчики?

– Ага. Души убиенных, надо полагать.

– Ты винишь себя в их смерти?

– Нет. Я солдат и выполнял приказ… На войне некогда рассуждать, кто прав и все такое. Начнешь херней страдать – и считай, уже покойник. Я убивал лишь тех, кто мог убить меня. Но им на это наплевать, и они все равно являются.

– Поэтому ты оказался в психушке?

– Не поэтому. Немного помял одну сволочь, которая, безусловно, того заслуживала. Но делать сие все-равно не стоило. Если честно, приложил я его крепко.

– Расскажешь мне эту историю?

– Как-нибудь…

Мы вышли к ближайшим домам.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Вадим. – Считай, мы уже на месте. Как впечатление от этого живописного уголка? По мне – было бы нормальное, если бы покойнички белым днем не шастали. А ты что скажешь?

– Не знаю. Дом Зиновьева выглядит так, точно в нем сто лет никто не живет. Еще этот маяк… – пробормотала я.

– Неприятное чувство?

– Странное. Будто за нами подглядывают.

– Кто его знает, вдруг так и есть, – кивнул Вадим. – У меня из головы не идет эта дверь. Она точно изнутри, а не снаружи заперта. Но куда в этом случае делся тот, кто ее закрыл? Может, на маяке и остался? Ты там еще одно привидение не заметила?

Я усмехнулась в ответ, но, странное дело, это замечание вызвало очередной приступ беспокойства, точно Вадим ненароком угадал.

Теперь мы шли рядом, он вдруг взял меня за руку, а потом и обнял, притянув к себе.

– Входишь в роль? – спросила я.

– Нет. В женихи набиваюсь.

– Кончай, а? – скривилась я.

Он засмеялся:

– Ладно-ладно, можешь считать это дурацкой шуткой. Тем более что я шутить по-умному не умею.

– Не прибедняйся.

– На тебя не угодишь, – хмыкнул он, но руку с моего плеча не убрал, чему я скорее была рада.

Близость Вадима всегда меня успокаивала. Может, в прежней жизни он был моим самым верным другом? В таком случае кем тогда был Димка? Максимильян твердил: выбор должна сделать я, то есть разобраться, кто есть кто. Он меня явно переоценивал. Мне это точно не под силу.

На веранде гостиницы за столиком сидела Софья в компании мужчины лет пятидесяти. Она улыбалась, что-то ему рассказывая, но я почти сразу почувствовала между ними напряжение.

– Как погуляли? – спросила она, заметив нас, и поднялась из-за стола.

Я решила, наше появление пришлось весьма кстати, позволив ей прекратить беседу с мужчиной. Он мне не понравился, бог знает, почему. Выглядел эдаким душкой. Внешне был похож на Эркюля Пуаро, каким его представляют в фильмах: невысоким, пухленьким, с маленькими насмешливыми глазками и манерой складывать ладони лодочкой. Руки у него были белые, пухлые, с желтоватыми ногтями. И это тоже раздражало. А вот волосы были светлые, когда-то рыжеватые, а сейчас щедро разбавленные сединой. Он расчесывал их на косой пробор, маскируя плешь на темечке, впрочем, не очень удачно.

– Здравствуйте, дорогие соседи, – запел он. – Пырьев Сергей Борисович. Решил, так сказать, отдохнуть на лоне природы.

– Вадим Волошин, – пожимая протянутую руку, сказал Воин. – А это моя Прекрасная Елена.

– Лучше и не скажешь, – охотно закивал Пырьев. – Редкой красоты девушка. Прямо редчайшей.

– Смотрите не перехвалите. У меня и так характер не сахар, – заметила я серьезно.

Пырьев на мгновение вроде бы растерялся, а потом захихикал, визгливо и неприятно.

– На рыбалку? – спросил Вадим, устраиваясь за соседним столом.

– Да. Выдалось несколько свободных деньков. А здесь рыбалка знатная. Сам-то я раньше здесь не бывал, дружок рассказывал. А вы тоже рыбачить?

– Нет. Отдохнуть немного вдали от любопытных глаз, – в этом месте Вадим заговорщицки подмигнул, а Пырьев вновь захихикал:

– Понимаю-понимаю.

Софья, воспользовавшись тем, что гость занят разговором, поспешила уйти. Чем-то Пырьев был ей несимпатичен, хотя, как мне казалось, с мужчинами она поболтать не прочь.

Сергей Борисович, заметив ее отсутствие, заголосил:

– Хозяюшка, чайку нам не сообразите?

Она вернулась и с улыбкой ответила:

– Сейчас заварю, – но недовольство все равно чувствовалось.

Чай, с моей точки зрения, был весьма кстати, и мы устроились за столом. Хозяйка, расставив перед нами чашки, варенье и большой заварочный чайник,

хотела уйти, но Пырьев ее остановил:

– Не посидите ли с нами?

– Рада бы, да у меня дела.

– А мы на маяке были, – сказала я.

Похоже, это ее заинтересовало.

– Через болото шли? Там осторожнее надо…

– Мы с холма маяк увидели и спустились. Голову ломаем – зачем там маяк?

– Не знаю, это лучше у местных спросить. Здесь живет учитель истории, на пенсии. Он все на свете знает. Если хотите, я ему позвоню, он иногда экскурсии проводит. И как вам маяк?

– Ничего примечательного. Дверь и окна заколочены. Замки на калитке сбиты, видно, кто-то хотел внутрь попасть.

– И правильно, что заколотили. Детня полезет, да еще свалится, спаси господи. Венька мой с мальчишками туда бегал, хотя запретила строго-настрого. Смотрю, кеды опять в грязи, значит, по болоту шастал. Разве за ними углядишь.

– А как здешнего историка зовут? – спросила я.

– Петр Евгеньевич. Позвонить?

– Было бы неплохо. Интересно узнать о местных достопримечательностях.

Она достала из кармана мобильник и набрала номер. Разговор много времени не занял.

– Он завтра утром свободен. Вы могли бы к нему зайти. Это на соседней улице, пятый дом. Только смотрите, – тут она весело засмеялась, – когда он

разговорится, его не остановишь. Жена жалуется, что в гроб разговорами может вогнать.

– Спасибо, что предупредили, – хмыкнул Вадим. – Я, пожалуй, не пойду. Это моя красавица любопытна, а я перебьюсь.

Пырьев с довольным видом покивал, а Вадим продолжил, обращаясь к Софье:

– На холме – дом с закрытыми ставнями. Очень удачно расположен. Не продается?

– Это который?

Вадим назвал адрес, Софья сказала:

– Может, и продается. Хозяин недавно умер.

– В больнице или в доме?

– В доме. Домработница утром нашла. Вроде что-то с сердцем.

– Он что же, один жил?

– Один. Хотя родня вроде есть. Я с ним незнакома была. Поселок наш невелик, но я далеко не всех знаю. Бабы в магазине болтали…

– Лучше бы он в больнице помер, покупать дом сразу расхотелось, – сказал Вадим, а Пырьев опять захихикал.

– Многие подвержены всяческим суевериям, двадцать первый век на дворе, а люди не меняются!

– Суеверия тут при чем? – нахмурился Вадим. – Просто думать о том, что здесь человек умер, неприятно.

– Это да. Хотя… люди постоянно умирают. Слава богу, этот своей смертью, а ведь бывает и вовсе мрак и ужас. Убийство, например.

– Никаких убийств у нас не было, – возразила Софья. – Поселок спокойный, тихий. В основном пенсионеры. Приезжие иногда пошумят, но это редко. Лично я таким сразу отказываю. Хотя за все время один только случай был. Подрались парни, сильно выпив. Утром ничего не помнили, но остальным постояльцам было неприятно. Я их завтраком накормила и отправила. Они до вечера на озере болтались, потом уехали.

– Не сомневаюсь, что у вас здесь железная дисциплина, – сладенько улыбнулся Пырьев. – Я это к слову сказал.

Софья сердито посмотрела на него, отношения у них явно не складывались.

Допив чай, мы отправились к себе. Вадим плюхнулся на кровать, закинул руки за голову и разглядывал потолок. Я по скайпу связалась с Димкой.

– Как дела? – поинтересовался он.

– Осматриваемся. Здесь есть маяк, представляешь?

– С трудом. Маяк на озере…

– Маяк на реке, а вовсе не на озере, – подал голос Вадим. – Озеро, кстати, довольно большое. Говорят, отличное место для рыбалки.

– Я думал, ты приехал туда злодеев ловить.

– Хозяйка гостиницы утверждает: места у них тихие, злодеи не водятся… А наша Девушка встретила покойника, точнее, покойницу, та болталась неподалеку от дороги.

– Это правда? – нахмурился Димка.

– Да. Но к нашему делу это отношения не имеет.

– Может, старичок тоже покажется, – хохотнул Вадим. – И поведает историю своей кончины. Предлагаю ночью проникнуть в дом…

– Присматривай там за этим типом, – сказал Димка, – не то действительно куда-нибудь вломится. Ладно, пока. Будут новости, позвоню.

– Кстати, насчет дома я бы подумал, – приподнимаясь на локтях, сказал Вадим.

Достав мобильный, я позвонила Виктории.

– Мы бы хотели осмотреть в дом, – сказала я, когда она ответила.

– Конечно. Мне приехать?

– Не обязательно. У домработницы есть ключи?

– Да, я оставила, чтобы она пока присматривала за домом.

– Тогда позвоните ей и скажите, что придут покупатели.

– Покупатели? – не поняла Виктория.

– Лучше, если пока никто не будет знать, кто мы такие.

– Хорошо. Я вам перезвоню.

Перезвонила она минут через десять.

– Все в порядке. Можете идти в любое время. Я сказала, вы уже в поселке и остановились в гостинице.

– Отлично. Спасибо.

Получив СМС с адресом домработницы, я повернулась к Вадиму:

– Пойдем сейчас или оставим на завтра?

– А чего тянуть? Тем более что занять себя особенно нечем.

Домработница жила неподалеку от Зиновьева, на соседней улице. Спускаясь к маяку, мы проходили мимо ее жилища, одноэтажного строения из красного кирпича с бесконечными деревянными пристройками. Из-за них дом был похож на огромный сарай.

Никифорову Клавдию Семеновну мы обнаружили в компании соседки на скамейке возле палисадника, где бурно цвели георгины, сортов десять, не меньше. Завидев нас, одна из женщин посмотрела с интересом, мы поздоровались, а она спросила:

– Это вас Вика прислала?

– Да, – кивнула я. – Она звонила?

– Звонила с полчаса назад. Чудеса. Что это она вздумала дом продавать? То жить хотела, то вдруг продавать. Идемте, все покажу.

Мы подождали, пока она сходит за ключами, и не спеша стали подниматься по улице. Соседка, оставшаяся на скамейке, проводила нас любопытным взглядом.

Клавдия Семеновна выглядела лет на шестьдесят, худая, жилистая, невысокого роста, блекло-голубые глаза, казалось, выгорели на солнце.

Подъем разговорам не способствовал, оттого я помалкивала, Клавдия тоже молчала, но взгляды на нас бросала настороженные. Видимо, чем-то мы ей не приглянулись.

Она открыла калитку, пропуская нас вперед, и заметила ворчливо:

– Дом хороший. Покойный хозяин во всем порядок любил и следил за домом. Что крыша, что подвал – в надлежащем виде.

– А сколько лет дому? – подал голос Вадим.

– Лет сорок есть. Может, больше. Но дом еще столько же простоит, а смотреть будете, так и сотню лет ничего ему не сделается. Фундамент каменный, кладка – загляденье, сейчас так не делают. Хозяин дом строил, когда еще при должности был. В больших чинах ходил, по здешним меркам. В средствах себя не ограничивал и строил на века. Чтоб детям и внукам…

– Но из внуков только Виктория? – сказала я.

– Человек предполагает, а Господь располагает, – вздохнула Клавдия. – Хозяин, поди, в гробу перевернется, если Вика дом продаст. Хотя, если разобраться, почто он ей?

К тому моменту мы уже вошли внутрь. В просторном холле было темно. Клавдия включила освещение. Отделан дом был с претензией на роскошь, но сейчас все это выглядело довольно скромно. Потолок с лепниной из гипса, люстра из чешского стекла, обои с павлинами местами потерты.

– Вот, смотрите. Потолки высокие, трехметровые. Дворец, а не дом!

Клавдия шла впереди, везде включая свет.

– Альберт Юрьевич долго жил один? – спросила я, следуя за ней.

– Как хозяйка померла, так и жил. Лет десять, должно быть. Я думала, недолго ему вдовцом ходить – мужчина видный, с приданым. Быстро к рукам приберут. Хозяйкина подруга первое время чуть не каждый день ездила, должно быть, виды имела. Но вдовец ею не прельстился. Еще две знакомые дамочки навязывались, то вдвоем, то по одной. И меня выспрашивали, как он да что. Кое-кто из наших тоже рад бы глаз на него положить, Марьяна из администрации, к примеру, большую о нем заботу проявляла, бегала то и дело. Да не выгорело у них.

– Значит, хозяин – завидный жених? – вмешался Вадим со смешком. – А с сердцем у него давно проблемы были?

– Не знаю. Мне не жаловался. Хотя он вообще не из болтливых был. Да и мне лясы точить некогда, не для того сюда приходила.

– Долго вы у него работали?

– Как жена померла. Жаль будет работу потерять. На пенсию-то не особо расшикуешься. А он платил хорошо, местные мне завидовали. Но ведь такой дом в чистоте держать – дело непростое, спину-то поломаешь.

– Значит, на здоровье хозяин не жаловался? – вернулся Вадим к прежней теме. – И вдруг помер?

– Ну, не вдруг… Видно, сердце пошаливало. Он последнее время смурной ходил. Подруги его все кудахтали: что, мол, невесел, что голову повесил?

– А он?

– А он отшучивался. Года, мол, а с годами мудрость приходит, а у мудрого человека мало поводов для веселья.

– Ага. Во многой мудрости много печали.

– Вот-вот, именно так и говорил.

– Значит, женить его не смогли?

– Точно. Он мужик себе на уме. Видать, решил в одиночку доживать.

– А как же внучка?

– Не больно он с Викой ладил. Она на вид тихая, но упрется, точно баран. И он такой. Эдак возьмутся ругаться – хоть святых выноси. Пигалица была, а деду не уступит. Да и не любил он ее, – неожиданно заключила она.

– Викторию? – удивилась я. – Почему?

– Да он никого не любил, ни ее, ни дочь, ни жену покойную, только себя. Есть такие люди. Другие им без надобности. На похоронах жены ни слезинки не пролил.

– Не все мужчины способны плакать…

– Может быть. Но уж очень у него все по-деловому. Надо это, надо то… Свез жену на кладбище, точно на курорт отправил, – главное, чтоб ничего не забыла и добралась хорошо. Хотя, может, это из-за службы. Привык все в себе держать. Вот сердце и не выдержало.

– У него ведь дочь погибла? – закинула удочку я.

– Погибла? Вроде, говорили, пропала? Неужто нашли?

– Я всех обстоятельств не знаю, но Вика говорила, что осталась без матери.

– Точно, сирота она.

К тому моменту мы прошли по всему дому. Вадим изображал большую заинтересованность, все проверял, везде заглянул. Открывал и закрывал краны в санузлах, интересовался счетчиками на газ и воду, осмотрел оконные рамы и дважды буркнул с серьезным видом:

– Пол гуляет… – в доказательство чего немного попрыгал на половице.

Клавдию все это мало занимало, а вот поболтать она была не прочь.

Вадим спустился в подвал, а мы остались в гостиной. Окно в пол было закрыто жалюзи, я попросила его открыть, что Клавдия и сделала, вернулась, и мы устроились в кресле возле окна, любуясь живописным видом.

– Здесь я его и нашла, – сказала она, вздохнув.

– Альберта Юрьевича?

– Ага. Пришла утром, а он лежит. Вот тут, между кресел. Должно быть, встать хотел, да упал.

– Видимо, приступ был внезапным, если он «Скорую» не вызвал.

– Да уж… Телефон-то под рукой. Лежал хозяин такой страшный, видно, напоследок пришлось помучиться. Все по грехам нашим…

– У него было много грехов?

– Почем мне знать? В одном грехе точно себя корил. Сама слышала, как говорил кому-то по телефону. Мол, он в том, что случилось с дочкой, виноват.

– Виноват? Каким образом?

– Так он выгнал ее на ночь глядя. Она дверью хлопнула и ушла. И больше ее никто не видел.

– Подождите, но наверняка было следствие…

– А как же! Приезжали какие-то, спрашивали. По уму-то, она должна была на автобус идти. На последний еще успеть могла, если бы поторопилась. Помню, водителя чуть не засудили, вроде он мог того… сделать что-нибудь. Кто-то видел, как он ехал с одним пассажиром, с женщиной. Но потом разобрались: женщина эта жива-здорова оказалась. К кому-то из местных в гости приезжала. Вот и выходило: на автобус она опоздала, а что дальше – тайна за семью печатями. Может, такси вызвала, или подхватил кто… А может, в городе с ней что случилось. Но хозяин покойный прав: если бы дочь здесь до утра оставил, беды бы не случилось. Было из-за чего сердце надсаживать.

– Если он ее не любил, как вы говорите…

– Не любил так, как родному отцу должно. Но отец все равно отец. И вину свою знал. Ну что, все посмотрели? – поворачиваясь к вошедшему в гостиную Вадиму, спросила она.

– Посмотрел, – ответил тот, озираясь. – Что-то не так с этим домом. Я бы здесь один ни за что не остался.

– Дом как дом, – пожала плечами Клавдия. – Видать, хозяин еще отсюда не убрался, вот вам и не по себе. Мне-то он привычный, но, если честно, после его смерти и я заходить сюда лишний раз не хочу. Может, Вика и права, что решила

дом продать. Так и кажется, что кто-то в окна заглядывает.

– Вы Вику хорошо знаете? – решилась спросить я.

– Да где там… маленькую помню. Она ко мне ходила за черешней. Было у меня два дерева, урожая на всю улицу хватало. В прошлом году вымерзли. Вот придет, я ей ягод наберу, а она ест и мне про свое житье-бытье рассказывает. А я про свое. Бабка померла, она реже ездить стала, видно, дочь с отцом чего-то не поделили. А потом и матери не стало, тогда Вика и вовсе от случая к случаю к деду заглядывала. Наверное, обижена была, а может, в том, что случилось, деда винила. По мне, так правильно. Осталась девка без отца-матери. А вы где остановились? – резко сменила она тему.

– В гостинице.

– У Соньки, что ли?

– Да, – ответила я, присматриваясь к Клавдии, она насмешливо спросила:

– Небось дорого у нее?

– Ну… как вам сказать.

– Уж эта своего не упустит. Такая, прости господи…

– Она ведь приезжая, если мы правильно поняли.

– Приезжая. Явилась сюда с мальчишкой своим, вроде отдохнуть. А хозяин гостиницы о ту пору один жил, она и смекнула, как мужика вокруг пальца обвести. Стала с ним жить. А он хворый. Она и добилась, чтобы он на нее гостиницу переписал. Родного сына без всего оставил, чужим людям отдал. Вот такой пронырой Сонька оказалась.

– Сын не пытался решение отца оспорить?

– А как оспоришь? По бумагам он ей все продал. Продал, а денежки где? Нет денежек. По-умному все провернула, комар носа не подточит.

– Странно все-таки, что он сыну ничего не оставил. Или они не ладили?

– Да вроде ладили. Хотя, если честно, с женой Григорьевич давно развелся. Она в городе с сыном жила, он здесь. Парнишка летом, бывало, приезжал, отцу помогал. Отец-то строго с ним. Может, оттого и ездить стал редко. А может, дела какие. Вырос парнишка-то, взрослая жизнь пошла.

– Гостиницу он уже после развода купил?

– Видно, так. Иначе сыну чего-нибудь да перепало бы. А так вышло, что кукиш с маслом. Он на похоронах на Соньку даже не смотрел, небось рассчитывал ее с вещами в тот же день отправить. А оказалось – его уже на кривой кобыле объехали. Есть такие бабы… Соньке этого мало, она опять мужичка подходящего нашла, разведен и тоже намного старше. Небось думает, долго не проживет, – хихикнула Клавдия. – Да, боюсь, здесь-то она просчитается. Он мужик крепкий.

– Это кто же такой?

– Ивлев Геннадий Алексеевич. Живет неподалеку от нее. Видный мужчина. Раньше пожарной частью командовал. Здесь у него дача. Была. А как на пенсию вышел, сюда окончательно перебрался. Вот Софья его и присмотрела. Правда, пока таятся, но людей не проведешь. Да и с постояльцами она, похоже, не прочь дружбу водить. Хотя это, может, раньше было. Ивлев вряд ли такое потерпит, не тот мужик.

Клавдия начала подниматься с намерением покинуть дом, и я быстро спросила:

– А как у вас вообще… тихо?

– А кому шуметь-то? Одни пенсионеры. Летом дачники понаедут, но они все возле озера, а мы туда, считай, и не ходим.

– В дома не вламываются, на машинах гонки не устраивают?

– Бог миловал. За домами соседи приглядывают, у нас так заведено, а по нашим дорогам сильно не разгонишься.

– А вроде бы несколько лет назад молодую женщину сбили. Возле болота, по дороге к маяку.

– Это когда ж такое было? Не помню.

– Я вроде бы в новостях слышала.

– Нет. Вы чего-то путаете. За все время – одна беда: дочка хозяина пропала. Полиция тогда приехала, по домам ходили, людей опрашивали, а больше ничего такого не припомню. Участковый и тот редко заглядывает, он в соседнем селе живет, там большой поселок, начальство городское, ну он, само собой, поближе к начальству. А у нас тишина. Что ж, если все посмотрели, так, пожалуй, мне пора. В деревне дел всегда хватает.

Мы вместе покинули дом, Клавдия опустила металлические жалюзи на окнах и тщательно проверила замки.

Возле ее дома мы простились и не спеша направились в сторону гостиницы.

– Что скажешь? – спросил Вадим. – Похоже, тебе удалось разговорить тетку.

– Да, поболтать она не прочь, но особой пользы я от нашей беседы не вижу. То, что у старика были непростые отношения с родней, мы и раньше знали.

– Он винил себя в гибели дочери.

– Ага. Но у меня фантазии не хватает вообразить, какое это имеет отношение к смерти старика.

– Может, он скончался от мук совести? – усмехнулся Вадим.

– Тебя не насторожили слова Клавдии о том, что в доме ей не по себе?

– Кто-то за ней вроде бы подглядывает?

– А если правда?

– Естественная причина смерти ни у кого сомнений не вызывала, – пожал плечами Воин. – Вряд ли удосужились проверить дом.

– Ты думаешь, там могут быть установлены видеокамеры?

– Сомневаюсь, если честно. Ничего похожего я не заметил, но если старик чего-то опасался… Тетка на истеричную девицу явно не тянет. И если чувствует беспокойство, значит, тому есть причина.

– Например, суеверия. Душа умершего до сорока дней находится здесь, то есть, вполне вероятно, что и в доме.

– Я правильно понял – проверять дом мы не будем?

– Почему? Давай проверим, – тут я притормозила и с подозрением посмотрела на Вадима. – С какой стати ты ведешь себя так, точно мое слово решающее?

– А разве нет? – удивился он.

– Да с какой стати?

– Ну… я, конечно, за демократию, но без командира боевая дружина превращается в ватагу, где царят разброд и шатание. Не к такому плачевному результату мы стремимся.

– Допустим, но почему я?

– Потому что так решил Джокер.

– Ничего подобного! В его бумагах об этом ни слова.

– Правильно. Зачем писать об очевидном? Он сделал тебя своей наследницей. И этим все сказано.

Я вздохнула и пошла дальше.

– Тебя это обидело? – решилась спросить я через некоторое время.

– Нет, – хохотнул Вадим. – Абсолютно правильный выбор, как и все, что делал Джокер. Димка на роль командира не годится. Я тем более.

– Почему?

– Потому что по мне психушка плачет, и ты это знаешь.

– Глупости.

– Вовсе нет. Мне не хватает сдержанности и рассудительности. Ты из нас троих наиболее подходящий кандидат. К тому же Димка в тебя влюблен. Я тоже в тебя влюблен. Выбор Джокера ни у него, ни у меня неприятия не вызывает.

– Жаль, никто не спросил – а мне это надо?

– Джокер не из тех, кого заботит чужое мнение, – засмеялся Волошин. – У него на все было свое.

– Вадим, я не хочу занимать место Бергмана. Мне это просто не под силу.

– Ты справишься, не сомневайся. Он ведь не сомневался в тебе. К тому же у тебя есть я. И Димка. Так что, дом будем обыскивать?

– Конечно. Надо договориться с Викторией. Пусть приедет под видом встречи с потенциальными покупателями. Я бы еще поговорила с приятельницами Зиновьева. Если они часто навещали старика, могут знать что-то интересное.

– Ну-ну, – закивал Вадим и усмехнулся.

– Что? – нахмурилась я. – По-твоему, в этой смерти нет ничего необычного и мы напрасно тратим деньги клиента?

– Мы остро нуждаемся в работе, чтобы не съехать с катушек. Это факт, – пожал плечами Вадим. – А все остальное…

– Если честно, я тоже так думала.

– А теперь не думаешь? – нахмурился Вадим.

– Он нервничал в последние дни. Что-то его беспокоило. Это чувствуется даже сейчас, атмосфера в доме… Глупость говорю?

– Только не для меня. Я в твое чутье верю свято.

– Спасибо. А я в сомнениях пребываю. И еще… Женщина, то есть не совсем женщина…

– Призрак, которого ты видела по дороге от маяка?

– Да. Клавдия ни о каком несчастном случае не помнит. Значит…

– Значит, это не несчастный случай?

– Надо дать задание Димке, вдруг да и найдет что-нибудь, связанное с этим местом. Кстати, ты заметил, в доме Зиновьева нет ни одной фотографии – ни жены, ни дочери, ни внучки?

– Ни его самого. Далеко не все любят окружать себя родными лицами.

– Пожилые люди обычно сентиментальны.

– Явно не его случай.

Вернувшись в гостиницу, мы устроились на веранде. Пырьев обретался тут же. Завидев нас, начал разглагольствовать о предстоящей рыбалке. Софья не показывалась, похоже, постоялец успел ей изрядно надоесть. Ее сына тоже не было видно.

Довольно скоро мы оказались в своем номере. Вадим отправился в душ, а я позвонила Димке.

– Будет к тебе приставать, пошли его к черту! – неожиданно сказал он, когда я собиралась с ним проститься.

– Мы не первый раз ночуем в одном номере, и ему в голову не приходило ко мне приставать.

– Это раньше. Тогда был Джокер, Вадим всегда его слушал. Сейчас Джокера нет. И он обязательно воспользуется ситуацией.

– Тогда я пошлю его к черту.

– Очень на это надеюсь.

– Не слышу оптимизма в голосе.

– Ладно, спокойной ночи! Найду что-то интересное, сразу сообщу.

Вадим появился из ванной в одних шортах. Я могла вдоволь любоваться бицепсами, трицепсами и кубиками на животе. Наверное, для любой девушки это искушение, однако в тот момент я была скорее раздосадована.

Вадим взглянул с усмешкой, точно спрашивал: «Как я тебе?»

– Димка советовал послать тебя к черту, – сообщила я, торопясь занять его место в ванной.

– Лучше бы он сам туда отправился, – фыркнул Волошин.

– Имей в виду, лимит на дурацкие поступки у меня уже исчерпан, – я захлопнула дверь и досадливо вздохнула. Досада относилась к тому факту, что Воин продолжал давнюю игру в соблазнение. Хотя кто знает, может, это вовсе не игра? Главное – не обострять ситуацию и делать вид, что я все это не воспринимаю всерьез.

Когда я вышла из ванной в мешковатой пижаме и с полотенцем на голове, Волошин лежал на диване, прихватив подушку с кровати и укрывшись покрывалом. Диван ему был коротковат, ноги покоились на подлокотнике.

– На диване лучше мне спать, – заметила я.

– Не мешай геройствовать.

– Глупость это, а не геройство. Перебирайся на кровать вместе с покрывалом и подушкой. Мы уже спали в одной постели, и мир не рухнул.

– Боюсь, это будет серьезным испытанием, – заметил он, но на кровать перебрался.

– Спокойной ночи, – сказала я, выключая свет.

– Вот уж не знаю, – ответил он.

Мы лежали спиной друг к другу, он под покрывалом, я под одеялом. И мне, вопреки всякой логике, захотелось прижаться к нему покрепче, но дело было вовсе не в греховных мыслях, которые, само собой, возникали против воли при виде его голого торса. Очень хотелось услышать банальное «все будет хорошо» и уснуть, чувствуя тепло его тела и свято веря: все действительно будет хорошо. Однако лезть с объятиями я себе отсоветовала, дабы не быть понятой превратно, и постаралась поскорее уснуть.

Разбудили меня громкие шаги в коридоре. Я подняла голову и убедилась: Вадима рядом нет. На диване его тоже не оказалось, хотя сначала и мелькнула мысль, что он ночью туда перебрался от греха подальше. Ванная тоже была пуста. Я умылась, выпила кофе и уже собралась звонить ему, когда дверь за моей спиной скрипнула и в номер вошел Вадим.

– Проснулась? – крикнул он.

– Хочешь кофе? – спросила я, торопясь ему навстречу.

– Давай.

– Ты купался? – заметив у него в руках мокрые плавки, поинтересовалась я.

– Решил окунуться с утра пораньше…

Он устроился в кресле, я приготовила ему кофе.

– Как вода в озере?

– Холодная. За кофе спасибо. – Он вдруг усмехнулся и покачал головой. – Кстати, Пырьев шпионит за нашей хозяйкой.

– С чего ты взял? – нахмурилась я.

– Иду на озеро, солнце только-только поднялось, а в кустах что-то поблескивает – то ли бинокль, то ли оптический прицел.

– Ты серьезно?

– Насчет прицела? Нет. Короче, решил взглянуть, кто у нас по кустам таится, и аккуратненько зашел в тыл отважному разведчику.

– И им оказался Пырьев?

– Точно. Выглядел слегка смущенным и невнятно бормотал, что любит наблюдать за птичками. Но старался не особо.

– То есть его не очень беспокоило, что ты застал его в кустах?

– Именно. Он, кстати, был с удочками, но вряд ли его интересовала рыбалка.

– Почему ты решил, что он следит за хозяйкой?

– Он наблюдал за гостиницей, судя по выбранной позиции. Следовательно, объектами наблюдения были либо она, либо мы. Других постояльцев нет. Не считая самого Пырьева, разумеется.

– А если он действительно за нами следит? – нахмурилась я.

– В этом случае ему следовало насторожиться, когда я вышел из гостиницы. А он позволил мне зайти со спины и был к этому точно не готов. Хотя его могла интересовать ты, а вовсе не я.

– Я? С какой стати?

– Могу спросить у него.

– Ты действительно думаешь… – начала я. – Кому это надо?

– Ну… вариантов может быть несколько. Например, некто, кого мы не знаем, нацелился на наследство и отправил сюда человека приглядывать за нами. Или так поступил злодей, который довел старикана до инфаркта. Ему не нравятся намерения внучки, и он слегка всполошился. Достоверно?

– Ага… Но это не объясняет, почему должны следить за мной, а не за нами.

– Не объясняет, – кивнул Вадим. – Может, появление здесь Пырьева не связано с нашей клиенткой? – Вадим смотрел исподлобья и ухмылялся.

– Ты имеешь в виду… – разумеется, я прекрасно поняла, что он имеет в виду. Я встречалась с Климом за спиной Бергмана, в результате Бергман погиб, а Клим исчез. Вряд ли надолго. И если в планах у него расправиться со всей четверкой… Неужели он рискнет встретиться со мной? Хотя – почему бы и нет? Женщины верят в то, во что хотят верить. И план его очень прост: заморочив мне голову, избавиться от Воина с Поэтом, а там и моя очередь придет. – Сомневаюсь, что на роль помощника он бы выбрал Пырьева, – сказала я.

– Зависит от того, какая у него роль, – пожал плечами Вадим. – Так мне с ним потолковать?

– Пока не надо, – подумав, ответила я. – Посмотрим, что будет дальше.

– Твое слово – закон, – усмехнулся он.

– Может, приложить тебя коленом, чтобы перестал надо мной потешаться?! – не сдержалась я.

– Идея мне совсем не нравится. Лучше заключи меня в объятия. И я вовсе не потешаюсь… Я готов следовать за тобой куда угодно, как преданная гвардия за своей королевой.

– Идем завтракать, – вздохнула я.

Завтрак подавала девушка лет семнадцати, Софья не показывалась – то ли была занята, то ли вовсе отсутствовала в гостинице.

– Никто больше не приехал? – спросил Вадим у девушки, которую звали Нонна.

– Нет. В гостинице только вы да еще один мужчина. Он уже на рыбалку ушел.

– Рыбак из него знатный, – с серьезной миной кивнул Вадим. – Что ж, отправимся к местному краеведу? – предложил он, когда мы закончили завтракать. – В деревнях встают рано.

Дом Петра Евгеньевича мы нашли без труда. Фасад, оштукатуренный и выкрашенный в белый цвет, сплошь покрывали нарисованные подсолнухи.

Мы топтались у калитки, не зная, как дать хозяину знать о своем приходе. Рядом с калиткой – ничего похожего на звонок. Запиралась она на щеколду, и открыть ее труда не составит, что Вадим и хотел сделать, но я его остановила. Наконец дверь, ведущая на веранду, распахнулась, и появился седовласый мужчина лет семидесяти, очень высокий и очень худой. Из-за бородки клинышком и лихо подкрученных усов он походил на Дон Кихота, так я его мысленно и окрестила. Одет он был забавно: шорты в клеточку ниже колен, толстовка с капюшоном, явно оставленная внуком, на ногах – ярко-желтые носки с собачками и сланцы.

– Здравствуйте-здравствуйте, – помахав нам рукой, весело заговорил он. – Вы те самые молодые люди, о которых Софья Васильевна рассказывала?

– Те самые, – кивнула я с улыбкой. – И нас очень интересует все, что связано с этими местами.

– Похвальное любопытство. А я всегда рад его удовлетворить. Что пользы в знаниях, если ими не с кем поделиться? Именно поэтому на свете появились первые книги, молодые люди.

Вместе с ним мы вошли на веранду. Сразу стало ясно: это любимое место хозяина. Вдоль стены – книжные полки, между которыми втиснут письменный стол, диван, имеющий такой вид, точно на нем проводило свои дни с книжкой в руках не одно поколение, тут же низенький столик с электрическим чайником и чашками, висящими на крючках, прибитых к дверце, плетенное из лозы кресло-качалка, потертый ковер и оранжевый абажур. Мне здесь сразу понравилось.

– Присаживайтесь, молодые люди, – кивнул Дон Кихот на диван, сам устроился в кресле и принялся раскачиваться. – Простите, забыл представиться, – вдруг вскочил он. – Петр Евгеньевич.

– Вадим, – отозвался Волошин, наблюдая за Дон Кихотом с недоумением.

– Лена, – кивнула я.

– Обожаю это имя, – разулыбался Петр Евгеньевич. – Три женских имени, с моей точки зрения, несут в этот мир красоту и гармонию: Мария – Матерь Божия, София – мудрость и Елена – красота земная. Надеюсь, о Елене Троянской вы слышали?

– Еще бы.

– Самая знаменитая красавица в истории. Мужчины теряли голову при виде нее. Готовы были сражаться и умирать.

– Жаль, что сейчас это мало кому приходит в голову, – хмыкнула я. – Да и женщины в наше время не столь кровожадны.

Дон Кихот засмеялся и кивнул несколько раз, как будто соглашаясь.

– Хотите чаю? – предложил весело.

– Нет, спасибо…

– Значит, вы решили разузнать о здешних местах. И что вас особенно заинтересовало?

– Маяк, – ответил Вадим.

– Ну, разумеется, – вновь закивал Петр Евгеньевич. – Маяк… Довольно странное сооружение для наших мест.

– Очень странное.

– Что ж… Маяк был построен в тысяча девятьсот третьем году. Здесь находилось имение Храповицкого, промышленника, удачливого бизнесмена и человека с неуемной фантазией. Дом он построил в виде рыцарского замка, с четырьмя башнями и каминным залом, который называл тронным. И не зря. Отделан он был так, что мог поспорить с королевским. Правда, трон там отсутствовал. При всех своих фантазиях Дмитрий Иванович был человеком здравомыслящим. К сожалению, от замка ничего не осталось. Во время революции он существенно пострадал, потом там находился дом-интернат, затем сельхозтехникум, а в шестьдесят восьмом году дом сгорел. Фундамент – вот, собственно, все, что говорит о былом великолепии. Но и его вы сейчас не увидите – местные растащили камни для собственных нужд, у моего соседа, к примеру, сарай сложен из тех самых камней.

– А маяк? – напомнил Вадим, который терпением не отличался. Похоже, экскурсы в историю его не особенно интересовали.

– У маяка своя история, – хитро прищурился Дон Кихот. – Вокруг замка разбили парк, там было множество скульптур и три фонтана. – Он вновь поднялся, достал с полки толстенный фолиант и протянул нам. – Альбом гравюр, выпущенный в тысяча девятьсот десятом году. Посмотрите, какое великолепие! Кое-кто из старожилов еще помнит этот парк, разумеется, таким, каким он был лет шестьдесят назад. К сожалению, сохранилась лишь липовая аллея.

Я открыла альбом и принялась листать, а Петр Евгеньевич продолжал:

– Река за это время значительно обмелела. Маяк был построен на косе, с трех сторон он был окружен водой. Храповицкий приказал прорыть канал, чтобы из

реки можно было попасть в озеро.

– То есть это была прихоть, не более? Захотел человек маяк – и построил? – усмехнулся Вадим.

– Как и многое другое. Те же гроты, в которых в жару так приятно было укрыться. С маяком связана романтическая история. Дмитрий Иванович был влюблен в дочь князя Зарецкого, девушку редкой красоты. Их имение располагалось по ту сторону реки, к сожалению, от него тоже ничего не осталось. Сожгли в Гражданскую. Так вот, Храповицкий был женат и рассчитывать на благосклонность княжны не мог, но предмет своего обожания желал видеть как можно чаще. И устраивал бесконечные праздники. Балы, маскарады, катания на лодках. Зарецкие здесь охотно бывали, а так как их имение за рекой, и по прямой до него не более двух километров, а вот в объезд по мосту – все двадцать пять, то переправлялись обычно на лодке. Кстати, вскоре Храповицкий устроил паромную переправу, которой могли пользоваться все. С конца августа здесь туманы, так что маяк не был совсем уж бесполезен, но сам Дмитрий Иванович скорее воспринимал его как символ, «огонь любви», который светит во тьме, призывая его возлюбленную.

– Совсем как в «Великом Гетсби», – прокомментировала я.

– Совершенно верно. Маяк – символ любви, что может быть прекраснее? Поговаривали, княжна все-таки ответила на его чувства, и влюбленные тайно встречались на маяке, где имелась потайная комната. А чтобы влюбленных не могли видеть рядом с этим местом, по слухам, были прорыты два потайных хода. Один от берега, где был грот, а второй – из имения, тоже из грота.

– Он сам их вырыл, как граф Монте-Кристо? – съязвил Вадим.

– Вряд ли, – засмеялся Дон Кихот. – Но вы напрасно иронизируете, подземные ходы совершенно точно имели место, соединяя парковые гроты. В здешних краях добывали камень для строительства, начиная с тринадцатого века. В результате под ногами у нас – сплошные пустоты, а с той стороны холма – две большие пещеры с переходами. Правда, пройти там сейчас нельзя. В целях безопасности поставили решетки. Входы в парковые гроты засыпали еще в двадцатые годы, но подземные переходы, уверен, сохранились. В один из гротов можно спуститься. Лет пять назад обвалился свод, тогда и выяснилось, что это

парковый грот. К тому моменту мало кто помнил, где они находятся. Я спускался туда дважды, к сожалению, большую часть грота заполнила вода, мы мало что смогли увидеть, но, учитывая особенности местности, подземные ходы к маяку, о которых повествует легенда, – не такая уж фантастика. Хотя ни на одной схеме я их не нашел.

– А тайную комнату на маяке нашли?

– Увы. Впрочем, обследовать его тщательно я возможности не имел. Сначала он был признан стратегическим объектом.

– С какого перепуга? – удивился Вадим.

– Кто ж знает? – пожал плечами Дон Кихот. – Одно могу сказать: на маяке была установлена антенна, а вот для чего она предназначалась… Людей в форме здесь тоже видели, но ни с кем из местных они не контактировали. Маяк окружили колючей проволокой, проход был закрыт, а дорогу преграждал шлагбаум. В советские времена люди власть уважали и предпочитали к маяку не приближаться. Потом антенна исчезла, вместе с колючей проволокой. Шлагбаум продержался дольше всех, – в этом месте Дон Кихот хихикнул. – Поговаривают, что маяк купил какой-то бизнесмен и собирается сделать ресторан. Достоверными сведениями на сей счет не располагаю. Все мои попытки попасть туда на законном основании успехом не увенчались. В таком виде, как сейчас, маяк стоит лет пятнадцать. Канал давно превратился в болото, а маяк – достопримечательность, возбуждающая любопытство туристов.

– Спасибо за интересный рассказ, – возвращая альбом, сказала я.

– Надеюсь, он был вам полезен.

– Странно, что маяк стоит заброшенный. Особенно если какой-то бизнесмен прибрал его к рукам. Даже в таком виде его можно использовать. Например, устроить квест, это сейчас модно.

– Наверное, все дело в образовавшемся болоте. К маяку проще подобраться с реки, но нужна пристань, лодки… Надеюсь, он обретет рачительного хозяина до того, как разрушится.

– А местные его использовать не пытались?

– Не считая набегов ребятишек – нет. У детей он всегда вызывает острое любопытство. Дело в том, что маяк не принадлежит нашему сельскому поселению, и распоряжаться им мы не имеем права. Конечно, я лелеял мечту сделать там музей, маяк – последний осколок некогда роскошной усадьбы. Я много времени потратил на изучение здешней истории, собрал немало материала и могу вас заверить: музей получился бы неплохой. Но если маяк уже в частных руках, заполучить его не представляется возможным.

– Жаль, – искренне вздохнула я.

Он развел руками и усмехнулся.

– Небольшой музей создан при школе.

– Обязательно туда заглянем. Есть еще легенды, связанные с имением? В парке не бродит призрак Храповицкого или его возлюбленной?

– Ничего подобного. У нас на редкость спокойное место. Полагаю, привидение пошло бы нам на пользу, немного встряхнув поселян. Хотя они все больше огородами заняты. Ложатся рано и привидение, скорее всего, просто не заметят. Молодежь в городе, а здешние обитатели – народ простой. Насколько мне известно, в школьный музей никто из них не зашел ни разу.

– У моей знакомой здесь дед жил, – сказала я, не придумав, как перейти к интересующей нас теме.

– Что вы говорите? – поднял брови Петр Евгеньевич. – И кто же?

– Зиновьев. Он недавно умер.

– Да. Прискорбное событие.

– Вы его хорошо знали?

– Нет. Два-три слова при встрече.

– Странно, он ведь человек интеллигентный.

– О покойниках либо хорошо, либо никак, – вновь развел руками Дон Кихот.

– Домработница, которая нам дом показывала, очень хорошо о нем отзывалась.

– Клавдия? Ну, это она при вас. За глаза костерила его на чем свет стоит.

– Серьезно?

– Зиновьева здесь не жаловали, если хотите знать. Побаивались – да. Он ведь в былые времена ходил в начальниках. Человек высокомерный и неприятный, хоть и неглупый. Общением с местными пренебрегал. Хотя для меня все же сделал исключение. Как-то встретились на улице, и он вдруг принялся вопросы задавать. А через пару дней даже зашел, альбом рассматривал.

– Интересовался имением?

– Подземными ходами. Но тут я ему особо не помог. Никаких планов, насколько я знаю, не сохранилось. В советское время все подобные сооружения засекречивались, по крайней мере, в свободном доступе таких сведений точно не было, и сейчас обнаружить какие-то схемы можно разве что случайно. Мне это до сих пор не удалось, а об имении я, уж поверьте, знаю все.

– А Зиновьев не объяснил, откуда вдруг такой интерес? Я к тому, что мужчина он в возрасте, а подземными ходами обычно подростки интересуются или экстремалы.

– Нет, не объяснил. Я было решил, что он просто хочет поддержать знакомство, так сказать. Круг общения здесь не то чтобы широкий. И два интеллигентных человека… вы понимаете… Но как только выяснилось, что об интересующем его вопросе мне ничего не известно, у него желание общаться сразу же пропало. Он довольно бесцеремонно прекратил разговор, ушел и больше не появлялся. Кивком здоровался при встрече – и ни слова.

– А у вас есть какие-нибудь догадки? Откуда все-таки мог возникнуть этот интерес?

– Вот уж не знаю. У него ведь дочь пропала, вы в курсе? Несколько лет назад. Давность этого события с большой долей вероятности позволяет предположить: ее нет в живых. А обстоятельства исчезновения весьма загадочны.

– А подземный ход здесь при чем? – спросил Вадим.

– Возможно, он решил, что дочь провалилась в один из таких ходов.

– А это возможно? – насторожилась я.

– Ну, чисто теоретически… Масштабных поисков здесь не велось. Приехала полиция, опросили жителей, видел ли ее кто в тот вечер… И, собственно, все. Допустим, она провалилась в подземный ход. Не забывайте, сколько лет этим сооружениям. Подземные воды, естественная обветшалость. В каком-то месте свод мог не выдержать. А если в старину под землей передвигались в полный рост, то вполне логично заключить, что яма довольно глубока. Женщина, вероятно, получила травму, несовместимую с жизнью. Или ее крики о помощи никто не услышал. Надеюсь, это лишь фантазии. Но они вполне могли прийти в голову несчастному отцу.

– Это верно, – кивнула я. – Но тут же возникает вопрос: зачем его дочери покидать дорогу, да еще в темноте?

– Разные бывают обстоятельства. Например, решила сократить путь. Для человека, который хорошо знает здешние места, такое вполне естественно. Разумеется, все это чисто теоретически и серьезной критики не выдерживает.

– Зато вполне объясняет интерес Зиновьева, – заметила я.

– Вот именно. А вас, позвольте спросить, тоже эта история интересует? – Вопрос был задан без намека на иронию, однако напомнил: если мы намерены сохранять инкогнито, следует быть осмотрительнее.

– Еще бы! – улыбнулась я с максимальной искренностью. – Мы ведь дружим с Викторией.

– Ну да, ну да, – закивал Петр Евгеньевич.

– Никаких происшествий здесь, как я понимаю, ни до, ни после не было?

– Совершенно верно. Места у нас спокойные.

– Я вот что подумала. Мать Вики шла по дороге. Что, если произошел несчастный случай? Водитель не справился с управлением, женщина в результате столкновения погибла, а он испугался и, к примеру, спрятал тело.

– Помилуйте, куда же его прятать? Возле маяка почва заболоченная, но не настолько, чтобы там кого-то утопить. С весны до осени туристы бродят. Думаю, ее непременно бы нашли. Если, конечно, злоумышленник не вывез ее подальше отсюда или не похоронил… – Тут он нахмурился и спросил: – Вы что ж, на подземные ходы намекаете? Но кто мог узнать о них?

Этот вопрос, само собой, остался без ответа, и Дон Кихот продолжил:

– Не припомню у нас ни одной аварии. Дороги такие, что особо не разгонишься. Туристы все больше пешком. Да и вся жизнь сконцентрирована в основном возле озера.

– Спасибо вам за ваш рассказ, – сказала я, поднимаясь, к большому облегчению Вадима, который тут же вскочил.

Петр Евгеньевич проводил нас до калитки и еще некоторое время глядел вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

– Старикан нас заподозрил, – усмехнулся Вадим.

– Похоже, да. Только вот в чем?

– Ладно, разговоры все равно пойдут. Знаю я эти деревушки. Хлебом не корми, дай языком почесать.

Я шла молча, и Вадим через некоторое время спросил:

– О чем задумалась?

– Аварии не было.

– Тебе лучше знать, – пожал плечами он.

Я остановилась и, повернувшись к нему, неуверенно сказала:

– Пожалуй, попробую еще раз.

– Что попробуешь? – не понял он.

– Вернусь к тому месту – вдруг она опять покажется?

– А-а-а, – протянул он. – Хочешь задать ей пару вопросов? Что ж, пошли.

– Лучше без тебя.

– В смысле, без свидетелей они разговорчивее?

– Отвали, – ласково попросила я.

– Хорошо, иди. А я продолжу обольщать хозяйку. Толку от этого ноль, но все лучше, чем болтать с привидением.

Однако он все-таки решил меня проводить. Мы направились в сторону маяка, вскоре улица закончилась, здесь мы и расстались.

– Что-то у меня на душе неспокойно, – вдруг сказал Вадим. – Не хочу, чтобы ты одна здесь болталась. – Он некоторое время смотрел на маяк и добавил: – Такое впечатление, что оттуда кто-то наблюдает.

– За меня не беспокойся, – успокоила его я. – Врага учую за версту. Встретимся в гостинице.

Я быстро зашагала к кустам, пока Вадим не передумал и не отправился за мной. Через сотню метров оглянулась – он все еще стоял, хмуро глядя мне вслед.

В нужном месте я оказалась минут через десять. Закрыла глаза, стараясь освободиться от мыслей. Стояла не шевелясь и почти сразу почувствовала присутствие человека. Вполне себе живого, а вовсе не привидения.

Открыв глаза, я не спеша осмотрелась. Ни живых, ни мертвых не видно.

– Давай, покажись мне, – пробормотала я.

И тут же почувствовала привычный холодок вдоль спины. Она была совсем рядом, я замерла, пытаясь справиться с волнением, и спросила едва слышно:

– Чего ты хочешь?

И почти сразу услышала шорох в кустах. Посмотрела в том направлении, а когда вновь повернула голову, женщины рядом не оказалось.

– Черт! – в досаде пробормотала я и направилась к кустам. Раздвинула ветки и увидела Вениамина, который явно собирался сбежать. – Эй, – позвала я, готовясь помчаться за ним, хоть и терялась в догадках, зачем мне это. – Ты чего здесь делаешь?

– А вы? – с вызовом поинтересовался он и вместо того чтобы бежать, вновь опустился на землю.

Через плечо у него висела холщовая сумка, куда в тот момент он убирал альбом.

– Между прочим, – продолжил он, – вы выглядели по-дурацки.

– Это еще почему? – подходя к нему и устраиваясь рядом, спросила я.

– Вы бы себя со стороны видели, тогда бы не спрашивали.

– Увидеть себя со стороны без зеркала затруднительно. Но ты, наверное, прав. Выглядела я, должно быть, и вправду по-дурацки. Меня оправдывает то, что я столкнулась с привидением.

– Это у вас юмор такой?

– Нет, – покачала головой я. – Иногда я их вижу. Когда они хотят.

– И что за привидение? – недоверчиво осведомился он.

– Женщина, довольно молодая. Высокая, длинные волосы…

– Привидений не бывает.

– Откуда такая уверенность?

– Это всем известно. Если вы их видите, значит, вам место в психушке.

– Может, ты и прав, – кивнула я.

– И что? Вы с ними разговариваете?

– Не совсем. Точнее будет сказать – я их чувствую. С женщиной, которую я сейчас видела, случилось что-то скверное.

– Ее убили?

– Боюсь, да.

Он смотрел на меня и улыбался, однако довольно скоро улыбка сползла с его лица.

– Вы это серьезно? – хмыкнул он.

– Абсолютно.

– Убили? Вот здесь? Почему тогда об этом никто не знает?

– Наверное, потому что произошло это все же в другом месте.

– Не очень понятно.

– Мне пока тоже.

– Вы экстрасенс? Которых по телику показывают?

– Меня не показывают. Я знаю, ты в Мальцеве живешь не так давно, но, может, слышал что-то от местных?

– Насчет этой вашей тетки? Ничего, – покачал он головой со всей серьезностью. – А знаете, мне здесь часто не по себе бывает. Точно из-за плеча кто-то подглядывает.

– А что ты вообще здесь делаешь?

Он кивком указал вверх, я проследила его взгляд и увидела на ближайшем дереве сколоченную из досок домушку.

– Твоя работа?

– Нет. Кто-то из дачников. В прошлом году сколотили. Кроме меня, сюда никто не ходит. А мне здесь нравится, никто не мешает.

– Любишь одиночество?

– Не люблю, когда достают, – уточнил он.

– Рисуешь? – кивнула я на сумку. – Посмотреть можно?

– Пожалуйста, – пожал плечами он, достал альбом и протянул мне.

Я открыла альбом и начала листать. У парня явно был талант, я покосилась на него и спросила:

– Учился?

– Нет. Немного покопался в Интернете, почитал о перспективе и прочем…

– По-моему, здорово.

– Ерунда, – нахмурился он.

Я перевернула страницу и невольно нахмурилась. Маяк.

– Это ты сегодня рисовал? Выглядит довольно зловеще. Тебе не кажется?

– Я рисую то, что вижу, – сказал он.

– Значит, ты видишь его таким? Мрачным, угрожающим? Он у тебя словно живое существо.

– Может, у маяков есть душа? – усмехнулся он.

– Может. А у этого точно есть тайны.

– Вы просто так говорите? Или что-то чувствуете? – насторожился он.

– Скажем так: он меня беспокоит.

– Там кто-то бывает, – вдруг сказал Вениамин.

– На маяке? Он же заколочен.

– Ага, – кивнул он.

– Что «ага»? Туда можно попасть?

– Не знаю. Но там кто-то есть.

– С чего ты взял?

– Видел свет. Мелькнет и исчезнет. Как будто кто-то с фонариком по лестнице поднимается.

– Дверь и окна заколочены, – напомнила я, чтобы он не слишком увлекался.

– Ну да, только между досок свет все равно пробивается, и в темноте его видно. Слабое мерцание. Весной свет внизу подолгу горел. По часу, даже больше. На самый верх он не поднимается, где-то на середине пути прячется.

– Кто прячется?

– Тот, кто бывает на маяке. Хотя, может, он там постоянно.

– Если ты о привидениях, то им свет не нужен.

– Вам лучше знать, я привидений не видел, а вот свет – много раз. Сейчас он редко появляется, хотя, может, и нет. Просто летом свет не нужен, и так светло по лестнице подниматься, даже если окна заколочены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/v-samoe-serdce

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити